

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск



Принц Восточный

Повесть-сказка
(журнальный вариант)

Художник Владимир Левицкий

*Сыну Яше с благодарностью
за имя и образ
Донкранка Фира*

Глава одиннадцатая

— Скорей бы кончился этот гнусный лес! — в сердцах сказал Ашура, хлопнув себя по шее. На шее сидел здоровенный комар, уже успевший напиться благородной крови принца.

Комары и мошки с противным зудом летали вокруг путников. Места пошли болотистые, ручьи в это время года разливались в речушки, покрывая влажную почву. Копыта коней вязли в этой влажной земле, и оттого путь был не скорым.

Дараям первым услышал боевой клич, раздавшийся из зарослей леса. Переглянувшись, друзья отъехали в сторону от лесной тропы и спрятались за ветвями раскидистого куста с большими ярко-зелеными мясистыми листьями.

Едва они успели найти убежище, на тропинке послышался конский топот. Прошла пара секунд, и перед изумленными товарищами промчалась на коне девушка с длинными развевающимися волосами. Ее тело укрывали доспехи из кожи, а в руках был зажат лук. У седла принц заметил пустой колчан.

На тропинке показался оллиийский воин с чал-

(Окончание. Начало в журнале «Север» № 7-8, 9-10, 2014 г.)

мой на голове. Он гнал своего коня, держа в руках аркан. Лицо его, украшенное длинными усами, свисавшими до шеи, имело хищное выражение. Воин гнался за девушкой и, видимо, ждал удобного случая пустить аркан в дело. Ашура и Дараям незадолго до этого миновали вытянутую вдоль тропы полянку. Если девушке не удастся оторваться от преследователя, там он получит возможность захватить ее.

Едва оллиец проскакал мимо, Ашура, не раздумывая, пустился за ним вдогонку.

Ученик жреца поспешил за принцем. Достигнув поляны, Дараям увидел, как оллиийский воин, почти догнавший девушку, взмахнул рукой и его аркан, свитый из волос конских грив и хвостов, мелькнув в воздухе, опустился на ее плечи. Воин остановил скакуна и подался назад. Девушка, у которой руки были туго стянуты и прижаты к телу, вылетела из седла. Ее конь понесся дальше, но вскоре, обеспокоенный потерей хозяйки, замедлил бег и остановился на краю у чащи.

Не успел воин порадоваться победе, как его настиг Ашура, обнаживший свой клинок. Их схватка была недолгой. Удар, в который Ашура вложил всю силу, был столь мощным, а сталь его меча столь крепкой, что меч оллиийца не выдержал столкновения и разлетелся на куски.

Ашура промчался мимо, но, осадив коня, развернул его и вновь бросился на врага. Тот успел выхватить длинный кинжал, который, конечно, не спас бы хозяина в схватке. Но воин рассчитывал на другое. Пока Ашура не приблизился, оллиец занес над головой руку с кинжалом, намереваясь метнуть его в тело принца. Дараям, испугавшись за друга, выхватил свое короткое копьё и, почти не целясь, метнул его в грудь оллиийца. В тот же момент к нему подскочила успевшая освободиться от петли и вновь обретшая коня девушка. Она на скаку выхватила кинжал из руки оллиийца и поскакала навстречу Ашуре и Дараяму. Принц обернулся и поблагодарил ученика жреца:

— Твое копьё вновь спасло меня!

Ашура повернулся к девушке, приближавшейся к нему, но девушка, почти поравнявшись с ним, неожиданно прищпорила своего коня и понеслась обратно, туда, откуда она появилась, гоная уса́тым оллиийцем.

Ашура оказался совершенно не готов к этому и растерянно посмотрел девушке вслед. Она промелькнула мимо Дараяма, и ученик жреца также проводил ее только взглядом.

— Кажется, местные жители не отличаются вежливостью. Она забыла нас поблагодарить, — обиженно сказал принц. — Давай-ка догоним ее и напомним.

Товарищи поспешили за незнакомкой...

Они оказались на краю селения, которое подверглось нападению. Беглого взгляда на поле битвы было достаточно, чтобы понять, что оллиийские солдаты напали на селение ганг. И Ашуре, и Дараяму мало хорошего доводилось слышать о гангах. Точнее, не приходилось слышать ничего хорошего. Воинственные женщины, явно презиравшие мужчин и не раз побеждавшие их на поле брани, не могли заслужить хорошей славы у сказителей, которыми, как правило, были мужчины. О гангах говорили только плохое, мол, все они как один людоедки, пожирающие младенцев мужского пола, даже если это их собственные дети. Кое-кто из сказителей утверждал, что ганги — на самом деле демоны, лишь принявшие личину женщин. Чем дальше от мест поселения ганг рассказывались эти истории, тем более нелепыми они были.

У принца мелькнула мысль оставить поле битвы на волю богов и продолжать путь по добру-поздорову, тем более что пешие и конные женщины, нисколько не смущаясь, рубились с уса́тыми воинами и побеждали их. Повсюду лежали трупы убитых врагов, хотя и ганг положено было немало.

Перед глазами Ашуры и Дараяма разыгралась жуткая картина. Неподалеку от них на крыше хижины расположились три лучницы, без промаха стрелявшие по оллиийцам. Проследив за полетом их стрел, можно было убедиться, что каждая лишала захватчика жизни. Небольшой отряд из пяти всадников окружил хижину. Оллиийцы защищались от стрел толстыми щитами, один из них секирой подрубил столбы, державшие хижину, и девчонки-лучницы посыпались с нее прямо под копыта оллиийских лошадей. Несколько ганг заметили это и бросились выручать своих юных соплеменниц, но у них не было возможности успеть на помощь.

Дараям смотрел в лица девочек, лучницы были

похожи на испуганных детишек. И ученик жреца не смог спокойно смотреть, как их будут убивать здоровенные, не знающие жалости воины. Дараям словно молния, несущая смерть, выскочил из кустов, прикрывавших их. Своим коротким копьем он принялся наносить удары, в один момент свалив двух оллийцев. Третий, чуть не пронзивший бок Дараяма длинным изогнутым мечом, упал с раскроенной Ашурой головой.

Оллийцы не ждали нападения с тыла, а потому друзьям было легко одержать победу. Пока Ашур скрестил мечи с четвертым оллийцем, пятый, оглянувшись, увидел темноволосую гангу, кожаная куртка которой сверкала драгоценными камнями. Ганга неслась на выручку девочкам.

В руке оллийца был меч. Он быстро взглянул на Дараяма, уже занесшего копье, на скачущую к нему гангу и сделал свой выбор. Он поднял меч и с ужасающей силой метнул его в гангу, хоть и понимал, что это лишает его возможности защититься от Дараяма.

Но Дараям в последний момент изменил направление полета копья. Меч и копье столкнулись в воздухе в полуметре от лица ганги и упали на шею ее коня. Не обращая на это внимания, ганга продолжала нестись вперед. Взмахнув своим мечом, она нанесла удар, рассекший голову оллийцу, и махнула рукой Дараяму, благодаря за спасение. За ней несся на белом скакуне юный воин. Попутно он сшибался с оллийцами, быстро отбивая удары и в свою очередь нанося смертельные раны нападавшим. Ученик жреца удивился тому, что на стороне ганг сражаются не только они с принцем, но и еще один незнакомый юноша.

Тем временем Ашур уже расправился со своим врагом. Девочки-лучницы, только что испуганно глазевшие на смертельную опасность, радостно закричали. Ганга, спасенная Дараямом, улыбнулась им в ответ и, повернув коня, стала преследовать уже отступавших врагов. Юноша на белом коне последовал за ней. Ашур и Дараям пустили своих коней следом, но им больше не довелось проливать вражескую кровь в этой битве. Ганги, рассвирепевшие, почуявшие опьянение победой, нещадно рубили врагов, заставляя их в ужасе спасаться.

Прокричав что-то своим соплеменницам, ганга в куртке, украшенной сияющими драгоцен-

ностями, повернула коня и взмахом руки подожвала Дараяма и Ашuru. Когда они приблизились, она громко сказала:

— Благодарю вас, храбрые воины, за то, что помогли нам отразить нападение врагов. Будьте почетными гостями в нашем селении.

Всадник в черном плаще скакал по широкой лесной тропе, пружинившей под копытами его коня. Солнечный свет играл на широких гладких листьях, из чащи доносилось пение птиц, но всадник не вслушивался. На мрачном лице его отражалась забота. Время от времени он отирал пот, выступавший на лбу.

Вдруг всадник услышал громкий разговор и смех. Он остановил коня, прислушиваясь. По голосам он понял, что разговаривают трое.

— И вот тут эта ахорская девочка и говорит Жгуту, что она, мол, не ганга, мужчину убивать не будет. А он, словно красна девица, краснеет и отворачивается!

— Эх ты, Жгутяра! Как котенок малый себя ведешь.

Тот, в чей адрес отпускались шуточки, лениво отбрехивался:

— Вам бы только зубы поскалить! Языки без костей!

— Ладно-ладно, дитятка! Девочки испугался! А я вот, не будь дурак, к ней и подобрался, сорвал поцелуйчик!

— Да только она тебя кружкой по голове долбанула!

— Было такое дело, девочке-то Жгутенок наш понравился, Жгутенок-котенок, а он, дурачок, за мамкину юбку хотел бы спрятаться, да мамка дома осталась!

Добродушные насмешки товарищей не сильно волновали парня.

Всадник в плаще тихо спешил и углубился в лес, чтобы подобраться к разговаривавшим неожиданно.

Трое продолжали разговор. Жгут, понизив голос, объяснял старшим товарищам:

— А мне вот рассказывали, что ганги так себя и ведут. Придет, например, такая в трактир в какой-нибудь деревеньке, прикинется нищенкой, попросит работы за кусок хлеба, мол, устала в дороге, хочет побыть немного среди людей. Ее хозяйка возьмут, а она присматривается к тем, кто

приходит в трактир. И особенно они солдат любят, ну это понятно, какая женщина солдата не полюбит! Так вот, ганга высматривает-высматривает себе добычу, остановит выбор на ком-нибудь, заманит, вроде как авансы раздает. А потом однажды поутру хозяева найдут где-нибудь неподалеку солдатский труп! А сама ганга исчезнет, будто ее и не было!

Жгут говорил, размахивая руками, делая страшные глаза. Двое его товарищей слушали солдата улыбаясь. Человек в черном плаще, ступавший по лесу так, чтобы ни одна ветка не хрустнула под его ногами, остановился буквально в метре от троицы. Он догадался, что перед ним олийский дозор, поставленный на тропу охранять место расположения отряда.

— Жгутенок, а зачем ганги убивают мужчин? — с подначкой спросил один из троицы, стоявший, опираясь на копье.

Второй в этот момент приставил свое копье к стволу тополя, за которым скрывался человек в плаще. А Жгут и вовсе положил оружие наземь, он предпочитал говорить, размахивая для убедительности руками.

— Ну как же! Известное дело! — с апломбом заявил он. — Ганги вырезают у солдат сердце и уносят к себе в логовища!

Двое других расхохотались.

— Так, выходит, ганги — это медведицы, раз в логовах живут?

— Не медведи, — делая страшные глаза, продолжал Жгут. — А оборотни. Известное дело!

— А что они с сердцами делают?

Жгут знал ответы на все вопросы:

— Сушат! Потом истирают в порошок, который добавляют в питье другим солдатам. Этот порошок для них как приворотное зелье. Выпьет солдат такого отравленного вина и навеки полюбит колдунью. Да только век этот будет недолгим, ганга его заманит, убьет и сердце вырежет!

— Зачем же гангам убивать солдат? — не понял воин, опирающийся на копье. — Убивают, стало быть, потом сердце вырезают, привораживают других и снова убивают. Польза-то какая от этого?

Жгут досадливо махнул рукой:

— Какая такая польза тебе? Колдуньи они колдуньи и есть!

— Не свистел бы ты, братец! — оборвал его во-

ин. — Это кто ж тебе сказки плел? Никак, девки в твоей родной деревне!

— Не-е, не девки, — замотал головой Жгут. — Бабушка говорила!

Солдат насмешил искренний ответ молодого товарища.

— Так бабушка твоя тоже ведь девкой была когда-то! — наставительно объяснил воин с копьем. — Вот они и придумывают такие истории да вам, балбесам, рассказывают, чтобы вы на местных женились, а не мечтали к гангам попасть!

— Как так мечтали? — не понял Жгут.

— Эх, деревня! — протянул воин. — Ничего, послужишь с наше, может, и ты попадешь к этим, как ты говоришь, колдуньям. Я-то побывал у них...

— Да ну! — не поверил Жгут. — Расскажи, Варма!

— Помню, прочесывали мы лес, неподалеку, кстати, отсюда. Тут тогда наши отряды редко бывали, нас первых пригнали на разведку, обустроить, так сказать, все. Всего нас было пятнадцать душ, только большинство у шатров осталось, а пятерых отправили в дозор. Мы пешком шли, это сейчас здесь тропы проложены, а тогда непролазная глушь была. Сержант во главе, он распорядился, чтоб мы не отходили далеко друг от друга. А мы и сами, птенцы желторотые, к нему как к мамке жались. Куда там расходиться!

Варма помолчал, проверяя, какое впечатление его рассказ производит на солдат. Его товарищ постарше, видно, уже не раз слышал эту историю, но готов был послушать еще. Жгут же вытаращил глаза, ожидая продолжения. Лесные шорохи не мешали беседе, жара, стоявшая в лесу, казалось, понуждала расслабиться, забыть о службе. Неспешный разговор помогал скоротать время в дозоре.

— Так вот идем мы, значит, в темноте...

— Ночью, что ли, пошли? — удивился Жгут.

— Да не, днем. Но темень в лесу стояла, ветви то густые, небо тучами затянуто было. Идем мы, и вдруг как на нас с деревьев посыпались!

— Кто посыпался? — спросил Жгут. — Шишки?

— Сам ты шишка! Ганги посыпались! Девки молодые, сильные, как с ветвей начали прыгать, что твои обезьяны! Побили они нас, связали и потащили к себе...

— В логовище? — распахнул глаза Жгут.

— Не, в поселок ихний. Они ведь тоже в деревнях живут, как мы. Только мужиков у них нет, сами все делают. Все умеют, только дитев делать без нас не могут, — усмехнулся воин. — Вот для этого мы им и нужны.

Воин опять решил выдержать паузу.

— Ты говори, говори, что дальше-то было! — поторопил его Жгут.

В это время второй воин решил отдохнуть. Он отступил на шаг и присел, привалившись спиной к гладкой коре тополя, но тут же обеспокоенно обернулся, вспомнив, что совсем недавно ставил к дереву копьё. Копьё исчезло!

Пока рассказчик готовился продолжать свою историю, солдат встал на коленки, осмотрел траву вокруг. Не увидев копьё, на четвереньках он полез за дерево и уткнулся взглядом в сапоги человека в плаще. Солдат успел только поднять голову, как получил сильный пинок в лицо. Кровь потекла из разбитых губ, заливая подбородок.

Человек в плаще резко вышел из-за дерева, держа копьё солдата как палку. Размахнувшись, он ударил едва повернувшегося Жгута по макушке. Тот вскрикнул и схватился за голову. Видя это, старый воин успел отскочить, направив свое копьё, которое не выпускал из рук, в грудь человеку в черном.

— Бездельники! — выругался тот. — Вам бы только о бабах говорить, а не в дозоре стоять!

Узнав царя, старый воин бухнулся на колени.

— Помилуй, господин! — только и воскликнул он.

— Тебе, видать, понравилось в объятиях ганг? — разошелся пришелец. — Снова мечтаешь попасть к ним! Так я раньше тебе встречу с предками устрою!

Второй воин на четвереньках подполз к своему товарищу и уткнулся головой в землю. Только Жгут, все еще державшийся за голову, не понимал, что происходит.

Пришелец, придя в ярость от такой тупости, принялся лупить его древком копьё, приговаривая:

— А из таких тупиц дурь нужно выбивать палками! Палками!

Наконец Жгут, сообразив, что чем дальше он будет стоять, тем больше ему попадет, упал на колени рядом с товарищами.

— Светлоокий, высокородный, помилуй! —

воскликнул старый воин, рассказывавший о своей встрече с гангами.

Человек в плаще, уставший лупить Жгута, бросил:

— Пятьдесят плетей тебе и по сотне этим лоботрясам. Лично проверю!

— Слушаюсь, господин! — в один голос произнесли воины.

Человек бросил копьё рядом с ними и пошагал по тропе. Через несколько минут он появился уже верхом и, прищипывая коня, проскакал в сторону лагеря.

Пока он не скрылся из вида, солдаты не осмелились подняться. Первым встал на ноги Варма. Его примеру последовали и другие. Второй солдат дотронулся пальцами до зубов:

— Шатаются. Чуть не выбил, а мог бы!

— А кто это, а? — спросил Жгут, поворачиваясь то к одному, то к другому.

— Наш новый царь, светлоокий высокородный Банга, чью милость мы сегодня испытаем на своих спинах, — хмуро проворчал старый воин.

Жгут открыл рот от удивления.

— Захлопни клюв, птенец! — скомандовал Варма. — Взяли оружие и встали, как полагается доблестным солдатам Олли!

Второй воин и Жгут подняли свои копьё.

— А чего с тобой дальше-то было? — спросил Жгут. — Ну, когда ты к гангам попал.

— Чего-чего! Ничего! Переночевали мы у них и домой пошли. Нас даже завтраком накормили. Хорошие девки, ладные. С ними бы мирно жить, так, глядишь, больше бы пользы было.

Ашура и Дараям подросли вовремя, хотя и без их участия ганги выиграли бы битву с оллицами, как выигрывали такие битвы не раз. Но зато юноши спасли трех девочек от неминуемой смерти, и это было хорошо. Ганги, хоть и привыкли воевать, горевали о каждой загубленной жизни своих соплеменниц, а потому сейчас Воительница намеревалась оказать гостям радушный прием.

Женщины, сложив оружие, уже принялись наводить порядок в селении. Казалось, все, кто мог двигаться, находились при деле. Несколько женщин выполняли самую грустную работу, аккуратно укладывая тела убитых ганг в ряд в тени веранды, покрытой пальмовыми

листьями. При этом они пока не давали выхода своим чувствам, справлялись молча, только на лицах была написана скорбь.

Трупы врагов также складывались в тени, но в другой стороне поселка. При этом раненых, кто уже не мог двигаться, безжалостно добивали ножами. Ашура, увидев это, нахмурился. Воительница, перехватив его взгляд, сказала:

— Мы их не приглашали. Они получают то, за чем шли.

Ашура промолчал, не считая нужным вмешиваться. Зато за раненых вступился Синта:

— Эти люди могут служить мне, — обратился он к Ганге.

Ганга быстро согласилась. Она крикнула своим соплеменникам:

— Живым оллицам нужно оказать помощь! Синта возьмет их себе!

Женщины сразу подчинились. Нескольким воинам была оказана помощь, как и раненым гангам. Дараям увидел, что две ганги, перевязывающие раны пострадавшим женщинам, не успевают помочь всем. Оставив Ашуру говорить с Воительницей, он направился к навесу, под которым лежали раненые ганги. Ученик жреца увидел девочку, сидевшую, крепко стиснув зубы. По щекам ее текли слезы. У девочки было до кости рассечено плечо. Ладонкой она старалась зажать рану, но ладонка была маленькой, а разрез большим. Кровь не останавливалась.

Дараям быстро принес одну из своих седельных сумок, достал мешок с травами. Покопавшись в нем, вытащил какие-то сухие стебли и, сунув их в рот, принялся тщательно разжевывать. Женщины, занимавшиеся перевязкой, брали ткань, разорванную на узкие полосы, из кучки тряпья, лежавшей тут же. Дараям также взял тряпицы и миску с водой.

Он подошел к девочке и тихонько прикоснулся к окровавленной руке. Девочка испуганно взглянула на него, но все же убрала ладонку, закрывавшую рану. Дараям, присев на корточки, смыл кровь с руки. Девочка застонала, закрыв глаза.

— Потерпи немножко! — мягко сказал Дараям. — Сейчас будет легче.

Он выплюнул превратившиеся в кашицу стебли на чистую тряпицу и, приложив их к ране, пе-

ревязал руку. Боль сразу утихла, девочка расслабилась и улыбнулась:

— Спасибо, пришелел!

Воительница, наблюдавшая эту сцену, внимательно посмотрела на Дараяма, в глазах ее светилась симпатия к человеку, чье метко брошенное копье спасло главную гангу от смерти.

Синта увидел, как его знакомые Риска и Наска тащат тяжелое бревно к частоколу, заделывая в нем брешь. Он бросился на помощь девушкам. Те сначала отказывались:

— Сами справимся, красавчик! — тяжело дыша, сказала Риска.

— Мужчина помогает нам возводить защиту от себя! Смех! — отозвалась Наска.

Синта, не слушая возражений, взялся за тяжелый конец бревна. Увидев это, Ашура тоже не остался в стороне и присоединился к нему.

Воспользовавшись этим, Воительница прошла по селению, изучая потери. При том, что оллицев было немало, они не успели разрушить все. Даже убито было только семь ганг, зато потеряли жизни десятка два воинов. Еще человек десять раненых оказались в плену.

Разрушенные хижинки и частокол восстанавливались без большого труда.

Воительница подошла к группке пленных. Те смотрели на нее молча, хмуро. Некоторые отводили глаза. Им, закаленным воинам, было очень стыдно потерпеть поражение от женщин.

— Кто вас послал? — спросила Воительница. В голосе ее звенел металл.

— Банга, — ответил один из пленных.

— Он отправил только вас или есть еще отряды?

— Отрядов много, — ответил тот же воин. — Всех вам не перебить.

В это время Синта освободился от работы и поспешил к соплеменникам. Он подошел к пленным и окинул взглядом суровые лица.

— Кто ваш командир? — спросил юный царь.

— Убит командир, — проворчал седоусый воин.

— А ты не оллиец ли? Что делаешь среди ганг?

Один из пленных, солдат моложе других, внимательно глядел в лицо царя. Наконец он узнал Синту. Солдат резко вскочил на ноги и тут же согнулся в поклоне то ли от того, что стоял перед царем, то ли от боли, пронзившей раненый бок.

— Светлоокый высокородный царь, не гневай-

тешь на ваших недостойных слуг! — зачастил он.

Другие воины, прислушиваясь к этим словам, принялись переглядываться. Поняв, что говорит их товарищ, седоусый солдат также поднялся и поклонился, за ним последовали и другие. Только один, раненный в живот, не сумел этого сделать, хоть и пытался.

— Сиди! — остановил его Синта, заметив порыв. — Подождите, вам окажут здесь помощь.

Царь обернулся к Воительнице, все это время стоявшей за ним. Девушка кивнула в знак согласия.

Оллийские солдаты переминались с ноги на ногу. Не все из них еще поняли, кто стоит перед ними, и бросали вопросительные взгляды на воина, первым узнавшего царя.

Когда Синта вновь обернулся к ним, этот воин проговорил:

— Не гневайся, высокородный... Мы думали, тебя уже нет в живых. Командир сказал, что царем стал Банга. А ты — вот он! — солдат не смог сдержать улыбку.

Синта велел воинам сесть и сам расположился рядом с ними.

Армию тоже не миновали казни, которые ввел Банга, воцарившийся на престоле. Воины рассказали, что в месте, где стоял их отряд, появились царские посланцы. Они привезли с собой новые штандарты, а прежние, на которых был изображен Идра, забрали. Увезли они с собою и жреца, который долгие годы молился о победе оллийского оружия, а чаще просто беседовал с солдатами по душам, став им почти отцом. На его место был прислан новый жрец, принявшийся возводить в военном поселении алтарь демонам. Армейские начальники тоже потихоньку сменились, а новые без умолку трещали, прославляя достоинства Банги. Солдатам сообщили, что юный Синта отрекся от престола в пользу своего дяди, затем пытался поднять восстание и предать страну, передав ее во власть ахорцам. Воины не знали, верить ли этим известиям.

— Я-то знал, что это не так! — рассказывал молодой солдат. — Я жил в столице. Когда тебя короновали, я был на площади, стоял в охране. Помню, как все мы радовались!

— Однако предали меня и присягнули Банге! — серьезно сказал царь.

— Нет, высокородный! — вскинулся солдат. — Я

тебя не предавал! Меня взяли на военную службу по твоему приказу, и я участвовал в битве с солдатами Банги. Но мы не смогли тебя защитить. Мне кажется, наш тысячник уже тогда служил Банге, а не тебе. Когда Банга стал царем, тысячник пришел к нам и сказал о том, что теперь у нас будет новый царь. Нас построили и заставили кричать здравицы в его честь. И от каждого потребовали принести присягу. А тех, кто присягал нечетко, без радости в голосе, выпороли и отправили из столичного гарнизона в разные части. Таких было много. Я тогда вообще присягу не приносил, бормотал что-то неразборчивое, дураком прикинулся. Тысячник как услышал мое бормотание, сразу распорядился меня высесть. А потом меня отправили на север, сюда. Я, когда прибыл, рассказал другим солдатам, что в этой истории с новым царем не все чисто.

Воины закивали головами, подтверждая его слова.

— Скажи, высокородный, — обратился к Синте седоусый ветеран. — Почему ты не позвал на помощь наши северные войска, когда Банга приближался к столице?

— Я до последнего дня не верил, что дядя осмелится нарушить порядок, существовавший веками. Мне казалось, что мы с ним можем обсудить положение, я предложу ему почетное и ответственное место во дворце или в армии, на том и порешим.

— А что теперь? — спросил молодой солдат. — Ты вернешь себе престол?

— А вы поможете? — вопросом на вопрос ответил Синта.

Седоусый воин поднялся на ноги, отвесил царю поклон и ответил за всех:

— Веди нас!

Синта улыбнулся и взмахом руки показал воину, чтобы тот сел.

— Для начала вам надо излечиться от ранений, — сказал он. — Мы будем собирать силы и двинемся на столицу. И я знаю, что народ меня поддерживает. Врагов у меня много, но друзей больше! — закончил свой рассказ Синта.

— И ганги — в их числе! — добавила Воительница. — Если ты готов подтвердить наши договоренности.

— Конечно! — ответил поднявшийся на ноги Синта и обратился к оллийским солдатам. — Вы

слышали? Отныне вам не придется воевать с гангами. Мы договорились, что эта территория остается навеки в их власти. Ганги будут жить по своим обычаям, приглашая в свои селения мужчин-добровольцев. И если у них будут рождаться девочки, они останутся в селениях ганг, а если мальчик, то его будет воспитывать отец. Ганги при этом будут защищать наш северо-западный край от непрошенных гостей.

Глава двенадцатая

Редкие лучи спускавшегося к западу солнца играли на волнистой ленте широкого лесного ручья, серебрясь в воде, мирно журчащей на камнях, покрытых зеленым мхом. Воздух над небольшой полянкой был напоен ароматами свежих листьев, хвои и нежных цветов, разноцветными созвездиями вспыхивающих среди мягкой травы. С вершин деревьев доносился пересвист малиновки, ей отвечала чистая и мелодичная песня птички славки. Здесь ничто не напоминало о еще недавно разыгравшейся неподалеку битве.

Воительница легла на траве, закинув загорелые сильные руки за голову. Рядом сидел Дараям. Воительница скинула куртку и сапоги, оставшись в кожаном жилете тонкой выделки, скрепленном кожаными же шнурами, ослабленными сейчас. Дараям удивился, обнаружив, что у главной ганги белая кожа, но понял, что у лесных жителей иначе и быть не могло. В лесной чаще, где кроны могучих деревьев высоко над землей сходятся, образуя естественную кровлю, нечасты яркие солнечные лучи.

— Я еще не успела поблагодарить тебя за то, что ты сбил своим метким копьем смертоносный меч и уберег мою жизнь, — проговорила ганга.

— Защитить женщину — долг любого мужчины, — любезно откликнулся Дараям, избегая смотреть на девушку.

Воительница мягко засмеялась и положила ладонь на руки сидевшего рядом ученика жреца.

— Мне кажется, — сказала она с улыбкой, — олимпийские воины, напавшие на наше селение, так не считали. Мы не привыкли к тому, чтобы мужчины вставали на нашу защиту. Чаще, напротив, нам приходится от них защищаться.

— Но ведь на селения вы нападаете. Разве нет, Воительница?

Ганга, устроившись рядом с Дараямом, обняла одной рукой своего собеседника и приблизила свое лицо к его горевшей физиономии.

— Зови меня Галлия, витязь. Это мое имя, — прошептала она. — Ты зря не веришь рассказам о гангах. Сердца мы, конечно, не вырезаем. Но, бывает, похищаем их.

Дараям почувствовал, как у него кружится голова от близости девушки. Никогда еще ученик жреца не был так близко от женщины, никогда не испытывал подобных чувств. Ему хотелось обнять ее, заглянуть в глубокие черные глаза и утонуть в них, прильнув губами к ее чувственным губам. Но юноша сдерживал себя, понимая, что это может помешать ему в будущем выполнить свое предназначение. Ему казалось, что его путь — это путь жреца, а значит, он обречен на безбрачие, на то, что никогда не изведает простых человеческих наслаждений, доступных обычным смертным.

Ганга, казалось, уловила его колебания. Она положила руку на его горячий лоб и провела по лицу. Дараям почувствовал, как голова его освобождается от мыслей и слов, мозг наполняется только неясные интенсивно яркие образы, но он не мог бы сказать, что именно он видел...

Незадолго до этих событий в селении ганг проходил грустный обряд. Женщины-воины прощались с погибшими. Неподалеку от селения на большой поляне был обозначен огромный черный круг — кострище, где возжигались ритуальные костры.

Не испытывая страха за свою жизнь, с детства готовясь принять гибель на поле боя, ганги были грозными воительницами, потому что жили их племена в Оллии из столетия в столетие. И часто трусливые мужчины, которым по неведомой прихоти богини удача повезло выжить в бою с лесными девами, долго со страхом вспоминали жестокие схватки, бесшабашную удаль и сумасшедшее отсутствие осторожности яростно рубившихся с нападавшими воинами ганг. Оберегая мужское самолюбие, эти рассказчики еще и преувеличивали ярость лесных дев, изображали их едва ли не дьяволицами в человеческом обличье. И потом, когда юные солдаты, наслушавшись таких историй, сами вступали в бой с ганга-

ми, им казалось, что все слышанное — правда.

Женщины несли на поляну с кострищем хворост и сухие бревна, которые всегда были наготове в селении для ремонта хижин. Когда костер был сложен, поверх деревьев положили тела погибших женщин. По просьбе Синты тела мужчин, павших в бою с гангами, не были брошены на съедение дикому зверью. Те из раненых оллийцев, которые могли работать, выкопали неподалеку от селения могилы для своих товарищей и похоронили их, притащив к месту последнего упокоения камни, установленные поверх могил. Синта простался с солдатами, Ашура и Дараям были там же, поскольку ганги не допустили мужчин к своему обрядовому костру.

— Чужеземцы, — сказала им старуха, руководившая похоронами, — мы благодарны вам за помощь, но прощаться со своими дочерьми и сестрами будем сами. Мужчинам не нужно смотреть на то, как ганги отправляются к месту вечного упокоения.

До мужчин, похоронивших своих собратьев и вернувшихся в поселок, донеслась погребальная песня. Женщины пели чистыми высокими головами, и нельзя было не заслушаться, когда мелодия поплыла над лесом, влетаясь в шум листьев и птичье пение, журчание ручья и многие другие звуки, коими всегда полна чаща. Что-то древнее и могущественное ощущалось в этой плавной тягучей мелодии, в которой невозможно было разобрать отдельные слова, но сама ее сущность обращалась к давно спрятанным и забытым, но хранящимся в душе каждого воспоминаниям древних родов. В просвете между деревьями мужчины заметили блеск костра, чьи алые языки взметнулись высоко в воздух, лизнув кроны деревьев. Треск пламени вплелся в древнюю мелодию, которая к тому времени набрала силу и мощь, превратившись в гимн вечности.

Солдаты, поначалу неодобрительно отзывавшиеся об обычае ганг и даже позволявшие себе, пусть тихо, отпустить в их адрес злобные словечки, теперь замолчали, завороченные звуками песни.

— Пожалуй, хотел бы я, чтоб и меня похоронили так, — проронил старый воин.

Ганги стали возвращаться в селение, молча, спокойно. Мужчины видели их просветленные лица и поражались тому, как быстро лесные девы

проводили своих подруг. Но для ганг прощаться навеки давно стало привычным делом.

Последними шли Воительница и опиравшаяся на ее руку старая шаманка. Женщины отстали от других ганг и тихо разговаривали.

— Тебе пора принести нам дочку, — говорила шаманка. — Сейчас в селении много достойных мужчин, у тебя есть выбор.

Воительница помолчала, обдумывая эти слова. Ганги привыкли доверять старухе, и Воительница не была исключением. Мудрость шаманки, как подразумевалось, общавшейся с духами, не вызвала сомнений.

— Ты считаешь, что моим избранником должен стать Синта? Молодой царь оллийцев? — уточнила наконец Воительница.

Старуха лукаво улыбнулась:

— Мне кажется, что ты вовсе не на Синту взгляд положила...

— Я всего-то раз на него посмотрела, — смутилась молодая ганга.

— Это верно, раз, когда лечил, да пару раз, когда сражался, да еще раз, когда рассматривал тебя после битвы... Бери его, девочка! Духи нашептали мне, что он для тебя в самый раз.

— Глядишь, не вынесет старик наказания-то, помрет под кнутом!

Солдаты тихо переговаривались, стоя в строю перед площадью, на которой уже ставили три скамьи для наказания. Царь приказал сечь Варму, Скира и Жгута, не в добрый час попавшихся под горячую руку.

С точки зрения солдат, никакой серьезной провинности за ними не наблюдалось. Подумаешь, беседы вели, стоя в дозоре. Так они на то и поставлены, чтоб прохожих тормозить, допрашивать, кто такие да по какой надобности в лагерь идут. Э-эх, служба царская!

Банга явился в лагерь разъяренный, ворвался в палатку сотников и начал лупить всех, кто там находился:

— Так вы стережете мои леса! Бездельники, дармоеды! Вас бы в мою южную армию, я бы вам показал!

Оба сотника, старший и младший, узнав царя, бухнулись ему в ноги, не понимая, откуда тот свалился на их головы.

В этом лагере стояли две сотни солдат. И то

вторая сотня появилась недавно. Дальше на запад были и другие лагеря, в чью задачу входило охранять границу с Ахором. Ходили слухи, что как раз в эти дни должна была состояться коронация, а тут — на тебе! Царь собственной персоной!

Банга, однако, быстро успокоился, он расхаживал по палатке и металлическим голосом говорил:

— Вы здесь поставлены, чтобы извести ненавистное племя ганг. Сотня солдат стоит на месте уже много лет, а в окрестных деревнях уже все крестьяне побывали у лесных колдуний! Вы ослабились и разжирели, пора браться за ум! Ничего, изловлю идиота-племянничка и научу вас воевать. Вы что, не знаете, как нечестивые ахорцы бряцают оружием? Они собирают войска на юге. Конечно, их главная цель — север, они пойдут на Хостинпур! Но если Хостинпур еще силен, ахорцы начнут войну против нас. Когда у государства есть армия, война неизбежна! Армия должна воевать! Если у государства нет армии, война тем более неизбежна. Слабых всегда будут давить! Ты сотник? — Банга ткнул пальцем в солдата со шрамом на лице, чья одежда была богаче и новее, чем у второго.

— Я, светлокий!

— Твои люди стоят в дозоре на лесной тропе?

— Нет, светлокий! Его!

— Я приказал дать им плетей! — сообщил царь.

— А надо бы вам плетей всыпать!

Сотники ткнулись головами в земляной пол шатра.

— Ладно! Солдаты должны почувствовать, что прежней жизни больше не будет! Бить бездельников кнутом!

Сотники словно ошпаренные выскочили из шатра, не глядя друг на друга, разбежались. Молодой вскочил на коня и помчался менять дозорных, а старший побежал готовить место экзекуции.

Лагерь загудел, как пчелиный улей. Весть о том, что в расположении лагеря появился сам царь Банга, мгновенно облетела всех. Солдаты, до того мирно сидевшие за игрой в кости, отдохавшие в тени шатров и откровенно бившие баклуши, засуетились, приводя в порядок лагерь и себя. Старые воины покрякивали на новобранцев, десятники принялись раздавать

зуботычины, поторапливая солдат. Воины цепляли мечи, отложенные до этого, возводили пирамиды из копий и щитов возле шатров. Повара быстро раздували огонь под котлами, стремясь на славу угостить Бангу, чтобы царь стал более милостив. Над лагерем поплыли приятные ароматы.

В то же время посреди лагерной площади сооружались три скамьи для наказания...

Варму, Скира и Жгута, только они пришли в лагерь, взяли под арест. Их обступили пятеро солдат, прячущих глаза.

— Вы, это, — начал старший. — Идите-ка вон в тот шатер!

Он взмахом руки указал на окраину лагеря.

— Да ты что, Мрачный? — удивился Варма. — Мало мы, что ли, с тобой вместе вина выпили?

Воин поморщился, будто от зубной боли.

— Выпили не выпили, а сотник приказал вас арестовать, — пояснил он. — И вообще, хватит тут базарить, а то и нас высекут.

— Ну, высекут, так что ж, теперь и не поговорить? — удивился Скир.

— Хватит! — резко оборвал Мрачный, толкая Жгута. Применить силу к своим старым товарищам по оружию он не решился. — Сами виноваты!

Остальные воины начали теснить троицу к окраине лагеря.

В это время Варма увидел скамьи, которые солдаты быстро устанавливали на плацу. Он забеспокоился, заскользил глазами по лицам конвоя.

— Ребята, царь же просто нас высечь приказал. Неприятно, но не так уж страшно. А? Или я чего-то не пойму?

— Кнутах высесть, — пояснил один из солдат.

— Ох ты! — вздохнул Скир. — Так это ж до смерти!

Троица замедлила шаг, вглядываясь, как быстро и споро вкапывали скамьи, на которых, возможно, им предстояло окончить жизни.

— Таких казней смолоду не помню, — проговорил Варма. — Мы ж не воры какие, не разбойники...

— А я что сделаю? — проворчал Мрачный. — Иди давай! Попались под горячую руку, так терпите.

— Как же это — до смерти? — запричитал Жгут.

— Не в бою, не от копья, не от меча. Неужто засекут? Свои же!

Молодой солдат чуть не плакал, но утешать его никто не решился. Конвой толкнул троицу в шатер, стоявший на окраине лагеря. Воины встали у входа...

Первым наказание предстояло понести Варме. Царь подошел к скамье. Его нисколько не смущала роль палача. Он широко размахнулся и хлестнул пожилого воина. Сыромятный кнут со свистом рассек воздух и опустился на спину. Варма дернулся, когда на коже загорелся красный след. Царь не отнял кнут от спины солдата, а медленно протянул его. Острый металлический крючок, цепляясь за кожу, оставил кровавый след.

На физиономии Банги застыло садистское удовольствие. Казалось, царь забыл о шеренгах солдат, стоявших в глухом молчании за ним. Он видел только спину старого солдата и получал наслаждение, истязая его.

Банга с размаху нанес второй удар и вновь потянул кнут. Шеренги солдат молчали. Лица сотников, стоявших с обоих концов скамьи, были хмурыми.

Третий удар вышел смазанным, слабым. Банга почувствовал жжение под кольцом на мизинце, что заставило его вспомнить о цели путешествия. Царю не хотелось оставлять увлекательное занятие. Он потянул за кольцо, пытаясь его снять, но, как уже бывало в подобных случаях, кольцо обожгло палец и руку, которой Банга его стаскивал. От колдовского подарка, некогда надетого добровольно, нельзя было избавиться.

Едва не вскрикнув от боли, Банга бросил кнут и прохрипел молодому сотнику:

— Продолжай!

Старшего же сотника поманил за собой, направляясь к командирскому шатру.

— Тридцать всадников, самых лучших, быстро! — распорядился он.

Через минуту отряд под предводительством царя удалялся по тропе, скрывавшейся в густой зелени чащи.

Сотник перевел дух, вернулся к скамьям. Его младший товарищ бросил вопросительный взгляд, старший сотник едва заметно кивнул. Спина Вармы уже была в крови. Его стегал один из воинов, поставленный младшим сотником.

Солдат сильно замахивался, но видно было, как он притормаживал, ослабляя удар. Сотники, вновь вставшие по концам скамьи, отвернулись, давая понять, что не будут настаивать на кровавой расправе.

... Скиру и Жгуту, которым ласково отвесили по сотне ударов, или, скорее, погладили кнутом, пришлось вытерпеть даже меньше, чем Варме, испытавшему на своей спине ярость жестокого царя.

Дараям постепенно возвращался к жизни из того переплетения вихрей и образов, в которое погрузила его Галлия. Он ощутил дуновение ветерка, освежившего горячую кожу, услышал мелодичное журчание ручья, пересвист птиц в кронах деревьев, шелест высокой травы.

Ученик жреца открыл глаза и увидел над собой смеющееся лицо Воительницы, глаза, смотревшие на него с любовью. Сейчас она ничуть не напоминала грозную лесную деву, а казалась обыкновенной крестьянской девушкой, проводшей счастливые часы со своим избранником.

Дараям любовался нежной благородно-бледной кожей девушки, румянцем на ее щеках, длинными ресницами... Память начала пробуждаться в нем, и на лице мелькнуло выражение испуга и сожаления, но, как маленькое облачко, лишь на секунду скрывающее солнце, это выражение тут же исчезло, уступив место любви и нежности.

— Галлия, — прошептал Дараям. Звук имени, переливавшийся на языке, как трель соловья, понравился ученику жреца. Он повторил его еще и еще раз.

Девушка погладила его по лицу, отодвинув прядь волос, спадавшую на высокий лоб.

Стушались вечерние сумерки. Цветы закрывали свои желтые, красные, синие головки, готовясь отойти ко сну. Последние солнечные лучи бросали прощальный взгляд на землю, удлинившиеся тени деревьев, словно покрывалом, накрыли поляну.

— Вскоре мне нужно будет тебя покинуть, — с сожалением сказал Дараям. — Мы с принцем должны отыскать его невесту, иначе в мир может прийти огромное зло.

— Так твой спутник — принц? — спросила удив-

ленная девушка. — А почему от его невесты может прийти зло?

— Да, Ашура — принц Хостинпура. А зло придет не от Девики, а от тех, кто ее похитил. Я не знаю подробностей, знаю только, что мы должны ее спасти и помешать вернуться на землю Черному Палачу.

— Злобный демон Вала может вернуться?! — воскликнула Галлия, поднимаясь. — Откуда ты знаешь? Множество ганг были погублены им, об этом до сих пор помнят в нашем племени.

Дараям рассказал девушке все, что знал сам.

— Кто-то, скрывающийся в горах, хочет использовать Девикю для того, чтобы освободить Валу. Мы должны ему помешать, если сумеем. Надеюсь, Идра не оставит нас своей милостью... Поэтому я должен тебя покинуть, но я обязательно вернусь к тебе!

Галлия покачала головой. Она избегала смотреть на юношу, когда заговорила:

— Нет, Дараям. Тебе не нужно возвращаться ко мне. Во-первых, мы еще не расстались. Ганги пойдут с вами, чтобы помочь освободить принцессу. Мы тоже не хотим становиться кормом для демонов, поэтому поможем вам. Но потом мы с тобой расстанемся. Видишь ли, мы не созданы для того, чтобы жить тихой семейной жизнью. Мы — воительницы, дикие женщины, веками обходившиеся без мужчин. И никто из нас не будет менять заведенный порядок. Я сама буду воспитывать дочь...

— А если родится сын? — спросил Дараям.

— Я чувствую, что родится дочь. Мы ощущаем такие вещи. Это будет красивая, сильная девочка, очень похожая на тебя.

Дараям тоже приподнялся. Последний солнечный луч, мигнув над лесом, погас. Теперь они разговаривали, сидя в сгустившейся темноте. Галлия больше не прятала взгляда, напротив, старалась рассмотреть лицо юноши.

— Я не хочу, чтобы моя дочь росла без меня, — проговорил Дараям. — Как она будет воспитываться?

— Как все мы, как я, — ответила ганга.

— Влесу? Вдали от цивилизованных городов? — с сомнением спросил Дараям. — Я благодарен этому лесу за то, что здесь выросла ты, но думаю, это не лучшее место для воспитания девочки...

Ганга рассмеялась:

— Ты грубишь мне, чужеземец! — с показной строгостью сказала она. — Ты забыл, что ганги — вольное племя!

— Клянусь, я действительно тебя люблю! — пылко заговорил ученик жреца. — Я всегда мечтал стать жрецом, меня к этому готовили. Но теперь я готов отказаться от своей мечты, ведь жрецы обречены на безбрачие...

— Нет! — резко возразила ганга. — Тебе не нужно отказываться от своей мечты. Я верю тебе, верю, что ты меня полюбил. Но мы никогда не будем вместе, потому что твой долг — идти за своим принцем, а потом стать жрецом и служить Идре в храме. А мой долг — заботиться о будущем лесных дев. Ганга, желающая мужчину, всегда получает его. Ты — мой выбор. Но я могу сделать так, чтобы ты меня возненавидел...

— Прошу тебя, не надо! — закричал юноша.

— Тогда не настаивай на своем, Дараям, — сказала ганга.

Она остановила юношу, приложила ладонь к его лбу и провела по лицу, шепнув несколько слов, которые тот не расслышал. Словно пелена спала с его глаз.

— Ну что? — улыбаясь, прошептала ганга. — Ты меня все еще любишь?

Дараям прижал ее к себе, и девушка не сопротивилась этим крепким объятиям.

— Люблю, Галлия! — ответил Дараям.

— Значит, я сделала правильный выбор! — шепнула ему девушка.

Многие лесные девы, ложившиеся и встававшие с солнцем, уже отправились на покой. Коегде у очагов на улице еще сидели группки негромко переговаривающихся девушек. В центре селения у хижины, стоявшей особняком, возле тлеющего костра сидели три старые ганги, и среди них та, что руководила возжиганием прощального ритуального костра.

Галлия подошла к старухам, ведя за руку ученика жреца.

— Матушки, — обратилась к старухам Галлия. — Этому человеку нужно помочь. Может, вы знаете, как это сделать?

Старшая ганга кивнула на место рядом с костром. Галлия хотела присесть, но Дараям сказал, что нужно позвать принца. Воительница напра-

вилась к хижине, отведенной для Синты. Там же она нашла и Ашуру.

Молодой царь Олли и принц Хостинпура мирно беседовали. Похоже, они испытывали друг к другу симпатию, и ясно было, что если Синта вернет себе трон Олли, а принц когда-нибудь заменит своего отца, два государства будут жить в мире и согласии.

Все вместе они подошли к костру, возле которого ждали их старухи и Дараям. Ученик жреца вновь повторил свою историю, и когда он упомянул имя Черного Палача, старшая ганга смерила его долгим взглядом, будто проверяя, не врет ли гость.

— Да, наш долг помочь вам, — сказала она. — Вашу принцессу могли похитить только те, кто живет в скалах.

Галлия внимательно слушала старшую гангу, пошевеливая затухающие в костре угли. Старуха продолжала:

— Я не знаю, как добраться до них, не знаю, кто там скрывается. Но в скалах есть проход. Когда-то давно мы хотели исследовать эти места, углубились в пещеру возле каменного лица, но не прошли и сотни шагов, как нам пришлось вернуться. Проход охранял огромный монстр, которого, честно говоря, мы не видели. Мы только слышали его рык и подумали, что рисковать не нужно.

— Мы пропустили оттуда бегом, мчались быстрее оленей, — подтвердила другая старуха.

— Никогда мне не было так страшно, как в тот день, — подтвердила третья. — Мы больше не рисковали туда соваться, подумав, что этот проход охраняет какой-то выходец из адских глубин. Может, это животное, может, страшный демон, укрывшийся в пещере от гнева Идры...

Мужчины внимательно слушали рассказ старух. Когда они замолчали, свое слово вставил Синта:

— Я тоже слышал о проходе в скалах. Несколько лет назад об этом рассказывали отцу воины, отправленные на разведку. Отец хотел найти выход к морю, но пройти через скалы оказалось невозможно. Посланный отряд обнаружил пещеру, вход в которую охранял каменный воин, как говорили солдаты. Они тоже рассказывали о страшном рыке, от которого кровь леденела в жилах. Отец хотел направить туда армию, но вос-

стали дикие племена в юго-западных княжествах, и поход не состоялся. А позже в эти места пришли ганги.

Синта замолчал, но и без того всем стало понятно, что он имел в виду. Оллийцы считали лесных дев врагами, и битвы с ними оказались важнее, чем поиски прохода в скалистой преграде.

— Как же нам туда пробраться? — растерянно спросил Ашура.

— Мы знаем, что иногда из этого прохода выезжают всадники, — сказала Галлия. — Они будто заколдованы, их трудно разглядеть, глаза начинают слезиться. И скачут они так, что от любой погони легко уходят. Их видели всего несколько раз, но ни разу не смогли остановить. Нам они зла не делали...

— Значит, кого-то монстр или демон, сидящий в проходе, все-таки пропускает! — воскликнул Ашура. — Это просто цепной пес, который сторожит дом своих хозяев! Придется нам пощекотать этого цуцика.

Мужчины усмехнулись, но старые ганги, слушавшие некогда рев монстра, не разделяли их веселья.

— Мы бы не стали вам помогать, — проговорила старшая. — Мне больно думать, что наши женщины могут погибнуть. Но если речь идет о том, что на земле вновь появится Вала, выхода нет. Иначе погибнуть придется всем нам. Наши ганги идут с вами!

Мужчины поднялись.

— Я тоже пойду с тобой! — обратился Синта к Ашуре. — Чем скорее ты вернешься домой со своей принцессой, тем скорее мы скрепим наши договоренности.

— Благодарю вас, мудрые ганги! — поклонился старухам Ашура и повернулся к Синте. — Благодарю, брат!

Глава тринадцатая

Утро выдалось хмурым. За ночь небо затянули тяжелые свинцовые тучи, грозно нависшие над еще вчера ярко зеленоватым лесом. В воздухе ступилась влага, серое утро смазывало лесные краски, напоминая о предстоящем нелегком испытании. Вышедшие из хижины мужчины поехали, ощутив, как одежда прилипла к телам.

— Начнем двигаться — привыкнем, — пробормотал Синта.

Селение ганг просыпалось. Возились у своих хижин женщины, разводя огонь в очагах. Молодые ганги уже шли от реки, неся в кувшинах и чанах воду. Неподалеку послышался смех. Стайка девочек промчалась мимо мужчин. В руках у девчонок были большие луки. Выбежав на окраину селения, они принялись упражняться в стрельбе, выбрав в качестве цели ствол столетней сосны, укрывавшей своей кроной большое открытое место.

Девчонки будто разбудили ветер, он подул сначала легко, а затем сильнее, выдувая из поселка сонную медлительность и тяжелую хмарь. Под навесом зашевелились пленные оллийцы, и Синта направился к ним.

— Кто из вас хочет участвовать в военной экспедиции? — спросил царь. — Нам предстоит сразиться с колдовской силой, мне нужны закаленные добровольцы.

Седоусый воин, стоявший перед молодым царем, откликнулся первым:

— Светлоокий, я готов! Мне бы только коня, а то мой вчера пал...

За ним потянулись и другие солдаты. Даже тот, кто вчера был не в силах пошевелиться, страдая от раны в боку, нанесенной стрелой ганги, попытался встать.

Синта отобрал пятерых солдат, которые накануне пострадали менее других. Среди них оказался и седоусый воин, назвавшийся Маром.

— Ты будешь старшим! — распорядился Синта. — Осмотрите оружие, подумайте, что вам нужно. Мы пойдем вместе с гангами, они теперь наши союзники.

К мужчинам подошли Риска и Наска. Они слегка наклонили головы, приветствуя царя. Похоже, они испытывали неловкость за свое вчерашнее вольное обращение с высокородной особой. Синта подмигнул девушкам, и те прыснули.

Приняв серьезный вид, Риска обратилась к оллийцам:

— Ну, кто из вас умеет разжигать огонь? Хвост принесен, — она указала рукой на очаг перед одной из хижин. — Чан там же, сходите за водой, мясо мы вам дадим.

Синта кивнул, отпуская солдат, и несколько из них быстро пошли к очагу. Царь направил-

ся к Ашуре и Дараяму, Мар занялся осмотром оружия.

Селение окончательно проснулось. В хижинах оставались только ганги, раненные во вчерашнем бою. Из своего жилища не спеша вышли старухи. Старшая ганга пригладила торчащие в стороны седые космы. Завидев мужчин, она махнула им рукой и подозвала девушек. Те занялись разведением огня для старух, побежали к реке с кувшинами.

От группки девочек, упражнявшихся в стрельбе, отделилась одна и подбежала к Дараяму.

— Не болит! — воскликнула она, протягивая руку, на которой еще вчера зияла рана.

Дараям улыбнулся и хотел погладить девочку по щеке, но та увернулась и побежала назад к подругам, крикнув на ходу:

— Спасибо, чужеземец!

Мужчины направились к шатру Воительницы, где их уже ожидали. Галлия пригласила всех занять место у очага. В котле варилось мясо, аппетитный пар поднимался над бурлящей поверхностью воды. Воительница сама крошила в варено коренья:

— Это увеличит нашу выносливость. Пойдем налегке, с собой много не возьмем, поэтому лучше сейчас поесть посытнее.

Дараям бросал на Галлию влюбленные взгляды, но та, казалось, ничего не замечала. Ученик жреца вздохнул и смирился с тем, что свободолюбивая красавица отказалась связать свою жизнь с ним надолго. Может, и к лучшему, что сейчас его чувства не нашли желаемого отклика в душе ганги. Прежде нужно найти и освободить принцессу Девуку, а потом думать о личном счастье и дальнейшей жизни.

Выехали после завтрака. Галлия на вороном жеребце возглавляла поход. Несколько ганг Воительница направила вперед на разведку, их не было видно, но Галлия знала, что в случае опасности ее заблаговременно предупредят.

Постепенно небо очистилось от туч, и ганги решили, что это благоприятный знак.

— Идра на нашей стороне! — подтвердил Дараям, и слова ученика жреца вселили в сердца воинов уверенность в том, что их ждет удача.

Спустя считанные минуты отряд въехал в глухой лес, однако солнечные лучи все-таки проникали сквозь кроны деревьев. Ехали сосре-

доточенно и почти всю дорогу молчали. Тропа была достаточно узка, две лошади не могли бы следовать по ней рядом, а кричать в лесу, выдавая свое присутствие, было ни к чему. И без того лесные ябеды сороки и сойки оповещали о путешествии чужаков.

Привал сделали только когда солнце перевалило за полдень. Расположились в тени высоких сосен неподалеку от ручья, напоившего путешественников вкусной водой, прибавлявшей силы. Костров не разжигали, перекусили холодным мясом, взятым с собой. Поначалу ганги и оллийцы держались настороженно по отношению друг к другу, но общая трапеза, необходимость делиться постепенно растопили недоверие. Видя, как легко общается Воительница с мужчинами, и остальные ганги успокоились. Их радовал обещанный оллийским царем грядущий мир.

К отряду вернулись всадницы, отправленные на разведку, им на смену выехали другие. После краткого отдыха отряд вновь отправился в путь.

Риска опередила отряд. Девушка внимательно вслушивалась в привычные лесные звуки, когда неожиданно осознала, что в них вплелся хруст ветвей, мягкий топот копыт. Звуки шли справа, а это значило, что кто-то двигался параллельно движению отряда Воительницы.

Ганга спешила и стала пробираться по направлению, откуда слышались новые звуки. Спрятавшись за стволами, она увидела на лесной тропе всадников в оллийской одежде. Впереди ехал широкоплечий мужчина в черном плаще. Он приостановил коня и внимательно всмотрелся туда, где за деревьями спряталась Риска. Девушке показалось, что взгляд злых черных глаз насквозь прожег деревья, но всадник снова тронул поводья и поскакал дальше. За ним следовали другие. Риска насчитала три десятка воинов.

Когда последний всадник из отряда проехал мимо, девушка вернулась к коню и быстро поскакала доложить об увиденном.

— Что будем делать? — спросила Воительница, выслушав девушку. — Принц, что скажешь?

— Хотелось бы выяснить, кому потребовалось здесь путешествовать. Это не тот колдовской отряд, который видели ганги?

— Нет, — ответила Риска. — Те двигаются гораздо быстрее и выглядят не так. На тех всадниках явно лежит какое-то заклятье, у них темные злые

лица. А тут — обычные оллийцы, с которыми нам не раз приходилось сражаться.

— Расскажи подробнее об их предводителе, — попросил Синта и, выслушав девушку, воскликнул. — Это Банга! Это мой дядя, захвативший власть.

— Значит, у нас есть возможность обойтись без большой войны! — Воительница воодушевилась от услышанных слов. — Если нам удастся захватить его сейчас, то тебе не придется бороться за власть!

— Но тогда мы рискуем опоздать, — вмешался Дараям. — Нам нужно спешить спасти принцессу.

Повисло недолгое молчание, которое разрешил Синта:

— Да, но сейчас отряд Банги движется в том же направлении, что и мы. Следуя за ним, мы не отдаляемся от цели, а приближаемся к ней. Правда, я не понимаю, что здесь делает мой дядя, почему ему пришло в голову разыскивать меня именно в этих местах.

— Как знать, не имеет ли он отношения к похищению принцессы, — предположила Воительница. — Думаю, нам необходимо напасть на них.

Отряд резво поскакал вслед за Галлией. Через час быстрого хода они увидели, что деревья стали реже. Сквозь просветы впереди виднелась большая зеленая поляна, на которую выходила тропа. По расчетам Воительницы, они опередили врагов, которые должны были выехать на эту же поляну по другой тропе.

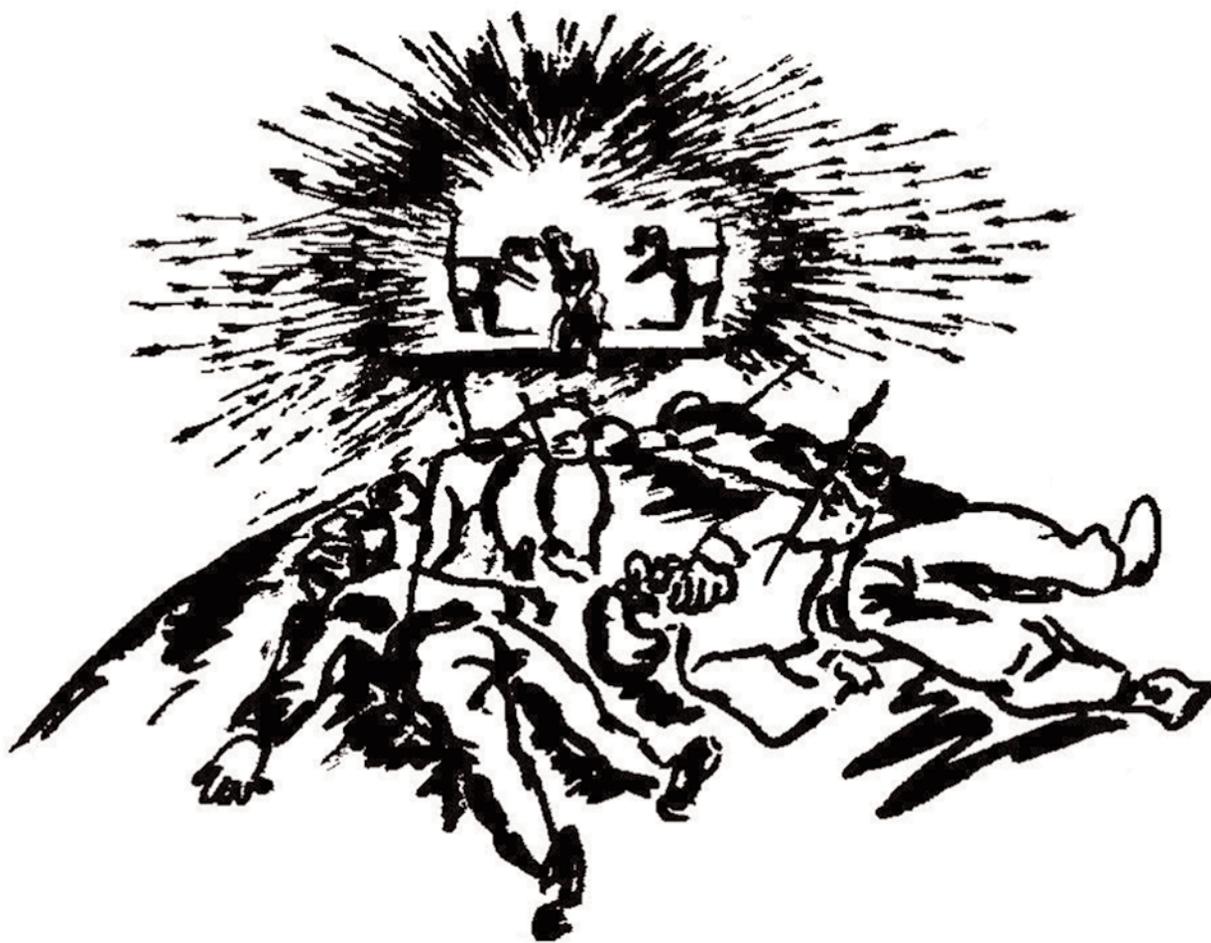
Галлия остановила коня и подождала, пока мужчины подскочат к ней.

— Теперь надо действовать быстро! — сказала она. — Рассыпаемся по краю поляны, но не выезжаем на нее, чтобы Банга не понял, что здесь побывали до него. Объезжаем поляну по левой стороне. Первые воины остаются здесь, остальные — цепью через два-три метра.

Скрываясь за стволами деревьев, она первая последовала вперед. За ней, не мешкая, двинулись остальные.

Когда половина отряда уже рассредоточилась по местам, укрываясь в зелени кустов и деревьев, окружавших поляну, Галлия обернулась, поторапливая спутников, и в этот момент в ее плечо вонзилась стрела.

Воительница застонала от неожиданности, но



ее стон был заглушен криками ганг и оллийцев. Отряд опоздал. Солдаты Банги прибыли к поляне быстрее и уже ожидали отряд Галлии. В лесу расположились оллийцы, вооруженные луками. Они взяли на прицел ганг и по сигналу Банги выпустили смертоносные стрелы. Две ганги упали, Галлия и Риска были легко ранены.

Ганги и воины Синты выскочили на поляну, спасаясь от стрел, летевших из-за деревьев. И тут же через поляну на них помчалась вторая половина всадников Банги. Воины обнажили сабли, готовые изрубить врага. Отряд Галлии оказался в ловушке, со стороны леса в них летели стрелы лучников, а на поляне ждали всадники с саблями.

С дикими воплями ганги вытащили свои короткие мечи и кинулись на оллийцев. Зазвенела сталь, поляну наполнили крики и ржание лошадей.

На Галлию напали сразу двое оллийцев, один пожилой, с длинными седыми усами, второй – совсем юный. По правому плечу Воительницы, пронзенному оллийской стрелой, текла кровь. Стрела пробила мышцу, острый наконечник вышел наружу. Галлия, скорчив лицо от боли, сломала стрелу и вытащила ее из раны, но теперь могла сражаться только левой рукой. Толстый оллиец занес над ее головой свою саблю, но Воительница ловко отпарировала удар, отклонившись в сторону, ушла и от другого удара, который собирался нанести ей второй противник. Оллийцы выбрали удачную, как им казалось, тактику. Толстяк лихо рубился, отвлекая на себя внимание ганги, а его юный товарищ выжидал удобного момента, когда Галлия откроется. Но нетерпение молодости не позволило ему проявить

осторожность. Решив, что удачный момент настал, он сам слишком сильно размахнулся, вознес саблю над головой. Галлия, отбив саблю толстяка, сильно полоснула молодого противника.

На лице парня отразилась растерянность, и он рухнул под ноги сражавшимся. Галлии пришлось отскочить, но этот маневр отвлек ее внимание, и толстяк занес свою саблю над ее головой. Может быть, этот бой стал бы последним в жизни ганги, но к ней на помощь поспешил Дараям. Его копьё пронзило горло толстого оллийца, и тот, захрипев, свалился рядом с молодым бойцом.

Галлия взглядом поблагодарила ученика жреца и осмотрелась. На поляне шла битва, но как-то несмело. Оллийцы, бывшие с Бангой, с удивлением увидели, что на стороне ганг сражаются их же соплеменники, более того, их товарищи по оружию, с которыми они вместе тянули солдатскую лямку. Когда на конях из леса появились Ашура и Дараям, оллийцы уже перестали понимать, что происходит, настолько странным им показалось, что с гангами выступили мужчины, а пятерка оллийцев, которые вызвались сопровождать Синту, и вовсе внесла смятение в ряды противника.

То и дело из разных концов поляны доносились крики, призывавшие воинов остановиться.

Только в дальнем конце поляны дико рубились зловеющий всадник в черном плаще и Наска.

— Банга! — воскликнул Синта, увидевший всадника, и поспешил к нему.

К сражавшимся направил своего коня и седоусый Мар. Он успел как раз вовремя принять на свою саблю удар Банги, которым тот непременно зарубил бы начавшую уставать девушку.

— Держись, дочка! — крикнул Мар, вступая в схватку.

— Предатель! — зло прокричал Банга, с удвоенной силой налетая на нового противника.

— Да это же Мар! — крикнул кто-то из оллийцев. — Смотрите, наш Мар защищает гангу!

— Слава царю Синте! — закричали оллийцы, прибывшие с юношей.

— Мать честная, да это же наш молодой царь! — ахнул кто-то из оллийцев Банги.

В этот момент битва затихла, лишь Мар и Банга продолжали рубиться, их сабли скрещи-

вались со звоном, жутко отдававшимся в ушах всех, кто наблюдал за ними.

Синта подскакал к сражающимся и закричал Мару:

— Оставь узурпатора, он мой!

Банга, увидев решительное лицо племянника, переключился на нового противника. Постепенно вокруг сражающихся образовался широкий круг зрителей. Солдаты Банги, увидевшие живого законного молодого царя, не желали защищать узурпатора, уже познакомившись с его злым нравом. С тревогой они следили за тем, как дерется Синта со своим бесчестным дядюшкой. Будто по какому-то негласному уговору мечи, сабли, луки, копья оказались устремленными остриями к земле. Все взгляды были прикованы к сражающимся царям.

Банга пришпорил коня, рванувшись вперед. Полы его черного плаща взлетели, как дым чадящего костра. Сабля, занесенная над головой, казалась когтем, который вонзится в ближайшее мгновение в тело юноши. Солдаты затаили дыхание. Мар недовольно крикнул, вцепившись в поводья. Воины знали, что за плечами Банги опыт многих битв, его искусство было хорошо известно. Что мог молодой царь противопоставить этому?

Но оказалось, племянник не уступал дяде.

Он отбил своей саблей грозившее ему оружие Банги, быстро развернул коня, и противники сшиблись вновь. Но никто из них не мог взять верх. Тогда Банга пустился на хитрость. После очередной стычки он прогнал коня чуть дальше, выптавив на скаку кинжал. Быстро повернулся и метнул разящее оружие в догонявшего его племянника. Со свистом через поляну пролетела стрела, пущенная меткой рукой Наски. Банга изогнулся от неожиданности и боли, стрела воткнулась ему в предплечье.

Быстрая реакция ганги спасла жизнь молодого царя. Кинжал прошел в сантиметре от лица. Синта почувствовал, как взметнулись волосы. Стрела Наски, вонзившаяся в руку Банги почти в тот момент, когда он разжимал кисть, бросая кинжал, заставила Бангу чуть-чуть дрогнуть, что и спасло Синту от неминуемой гибели.

Поляна огласилась одобрительными криками оллийцев и ганг...

Солдаты были так увлечены схваткой царей,

что не услышали, как на поляне появились другие всадники.

Первыми их увидели ганги, начавшие тереть глаза.

— Колдуны, колдуны! — закричала Риска, указывая на призрачных воинов, въезжавших на поляну.

Призрачные всадники во главе с Хадмом быстро окружали поляну, отсекая сражающихся Синту и Бангу от ганг и других оллийцев. Наска попыталась натянуть тетиву своего лука, но не могла прицелиться, фигура Хадма расплывалась у нее перед глазами. Оллийцы, замороженные невиданным зрелищем, стояли, словно столбы, и отступить не считали возможным, и сражаться с колдовскими воинами не могли.

Хадм взмахнул мечом, указывая своим солдатам на дерущихся. Синта, увлеченный сражением, не глядя в тех, кто его окружает, но Банга, увидев воинов, удовлетворенно ухмыльнулся.

— Пока он нужен Кнохту живым! — крикнул Хадм Банге.

Кольцо всадников окружило царей, оллийцы и ганги видели перед собой посреди поляны только неясные колеблющиеся тени. Тишину прорезал крик Синты. Ашура и Дараям кинулись на мерцающую призрачную стену, которую образовали тела всадников, но стена вдруг рассыпалась. Мгновение, и колдовской отряд стал удаляться с поляны. Ни Банги, ни Синты не было видно.

Принц и ученик жреца начали преследование новых врагов, но те, словно молнии, неслись по лесной тропе в глубь чащи. Ашура ощутил, как начали болеть и слезиться его глаза от созерцания всадников, почувствовал это и Дараям. Но они продолжили бы погоню, если бы не подвели лошади, начавшие мотать головами, жалобно ржать и кружиться на месте. Видимо, с глазами послушных животных случилось то же, что и с глазами их хозяев.

Успокоив лошадей, принц и ученик жреца оглянулись на товарищей. К ним уже поспешала Воительница, а за ней подтягивались ганги и оллийцы.

— Что будем делать? Царь Олли похищен, — произнес Дараям.

— Конечно, догонять! — воскликнул Ашура. Юноше не терпелось вновь пуститься в погоню.

Один из оллийцев, не рискнувший вмешиваться в разговор командиров, тихо спросил у Мара:

— А кто это был?

Галлия услышала этот вопрос, хоть он и был задан тихо.

— Мы встречались с этими всадниками, но не знаем, кто они, — ответила она. — Могу сказать только то, что они увезли с собой Синту, и явно не с добрыми намерениями. Нам придется их преследовать.

— Так-то оно так, — ответил Мар, вступая в разговор на правах старшего, раз уж сам Синта назначил его руководить оллийцами. — Но как сражаться с призраками?

Оллийские воины недовольно зашептались, заспорили.

— А ну, тихо! — прикрикнул на них Мар.

Один из солдат исподлобья взглянул на Мара:

— Разве не ясно, что это люди Банги? Он убьет и племянника, и нас. Не такой Банга царь, чтобы прощать измену.

Мар нахмурился:

— Изменники — это те, кто служит узурпатору. А те, кто защищает законного царя, — истинные воины, — старый солдат усмехнулся. — Тем более что Банга в любом случае не простит обиду. У нас нет другого выхода — мы должны спасти молодого царя, чтобы Олли не утопла в крови.

Ганги и хостингурцы не вмешивались в этот разговор, не желая оказывать давления на оллийцев.

— А ты как считаешь? — спросил Мар Воительницу.

— Мы не хотим воевать с вами, — ответила та. — Синта может прекратить давнюю вражду, а Банга лишь раздует ее, как пламя из малой искорки. Если даже вас пощадит Банга, в наших битвах погибнет еще много оллийцев, да и ганг тоже. Надо остановить Бангу.

Короткое совещание было окончено, отряд тронулся в путь по тропе, по которой раньше удалились призрачные всадники...

Тропа привела их к пещере, вход в которую охранял каменный идол из белого камня — столб, напомиавший воина, стоящего на страже. Может, природа постаралась водрузить это каменное изваяние, а может, кто-то древний и могущественный поставил его как предупреждение для путников, мол, дальше идти не нужно.

Отряд остановился перед изваянием. Солдаты и ганги с любопытством старались разглядеть что-либо в черноте скалистого зева, но безуспешно. Нужно было идти в этот зев, не зная, что ждет впереди. Может, им придется стать пищей для неведомых чудовищ? Как ответ на эти опасения из чрева пещеры раздался рев, от которого, казалось, задрожали скалы.

Брлби родился и жил в лесу под огромным деревом, раскинувшем свои ветви далеко вокруг. Жил он с сестрами и братьями, с папой и мамой. Он помнил себя с раннего возраста, с тех времен, когда мама укачивала его, держа в своих сильных лапах. Он любил мамин запах и потом, когда подрос, безошибочно его узнавал. Бывало, папа и мама уходили на охоту, принося вкусное мясо, а он оставался со старшими братьями и сестрами на своей территории, но, несмотря на то что был самым маленьким, первым возвещал о возвращении родителей радостным рыком.

Брлби любил мамины рассказы. Он воспринимал эти рассказы как сказки, но родители утверждали, что все так и было на самом деле. В прежние времена, тогда еще папа и мама сами были малышами, они жили не в лесу под деревом, а в поселках, построенных людьми. Люди были огромными и добрыми, они кормили папу и маму и других арлтов, играли и дружили с ними, брали с собой на охоту. Люди охотились с помощью копий и луков, использовали дубины, но арлты предпочитали обходиться без оружия, поскольку их клыки и когти и без того служили хорошо. Арлты предпочитали сырое мясо, люди же, хоть и могли питаться сырым мясом, предпочитали варить его и жарить над кострами. Мама считала, что именно из-за этого зубы и когти людей стали довольно слабыми и им приходилось вооружаться.

— Поэтому, сынок, старайся почаще есть сырое свежее мясо, рви шкуры когтями, впивайся в них клыками, тогда будешь здоров и силен, как твой папа! — поучала мама сына.

И Брлби запоминал эти уроки и первым набрасывался на добычу, принесенную отцом, не боясь получить шлепки и укусы от старших. В такие минуты мама с любовью смотрела на сынишку и останавливала братьев и сестер, если они слишком уж сильно пытались его оттеснить:

— Осторожней, осторожней! Не забываете, что Брлби тоже хочет вырасти сильным арлтом! — горючила мама.

Увы, сила арлтам не помогла, как не помогла она и людям. Однажды в поселок людей пришли карлики, мелкие существа, каждого из которых Брлби мог бы прихлопнуть лапой. Да и люди могли бы легко насадить их на свои копыта по нескольку штук. Но у карликов были выбрасывающие огонь палки... Палки издавали грохот, не очень сильный. Пожалуй, послабее рыка даже юного арлта. Но не грохот был опасен, а то, что вылетало из палок. Все люди погибли в борьбе с карликами, погибли и многие арлты, но часть их, в том числе мама и папа, которые только начали тогда жить вместе, бежали в лес, далеко-далеко, где не было злобных карликов.

Им пришлось учиться жить без людей, и они хорошо чувствовали себя в лесу под раскидистыми кронами деревьев. Зверья здесь водилось в изобилии, неподалеку протекала большая река, дававшая чистую воду.

Рассказывая о прежней жизни, мама вздыхала и порой смахивала набегавшую слезу кончиком хвоста.

— Мама, а зачем нам люди? — спрашивал Брлби. — Разве без них нам плохо?

И мама говорила, что без людей действительно плохо. Так уж устроены арлты, что им необходимо чувствовать ласку и защиту от кого-то большого, кто будет играть с ними, баловать их, ласкать, расчесывать шерстку. И еще арлты нуждались в людях, потому что им нравилось быть нужными, нравилось защищать людей от грозных лесных хищников, ведь копье и лук могут сломаться и тогда сильный зверь сможет, если постарается, справиться с человеком. Тут-то арлт и придет на выручку другу. Брлби, слушая мамины рассказы, представлял себе людей, неизвестных ему существ со слабыми зубами и когтями, прикрывающих свои тела чужими шкурами... И ему тоже хотелось стать нужным не только маме и своей семье, но и человеку. Но, наверное, людей в этом мире не осталось, всех извели карлики.

Брлби любил проводить время на берегу реки поздними вечерами. Он валялся на спине, отставив в сторону хвост, и смотрел на звезды, далекие и манящие. Брлби часто думал, что

это за фонарики развешаны на небе? Однажды мама сказала ему, что это другие миры, где, может быть, тоже живут люди или арлты, и так же кто-то из них смотрит вечерами на их мир и думает о нем, о Брлби...

Сначала Брлби не поверил маме. Разве может кто-то жить на этих фонариках, ведь они такие маленькие! Но как же можно не верить маме? И он решил, что раз мама так говорит, значит, так оно и есть. Вот бы оказаться когда-нибудь там, в небе, рассмотреть фонарики поближе!

Бывало, далекие миры казались Брлби холодными, неприветливыми. И тогда он думал, что, может быть, именно оттуда пришли в их мир негодные карлики со своими изрыгающими огонь палками. Тогда Брлби тихонько рычал на фонарики, грозя гадким карликам, предупреждая их, что здесь, в лесу, — хозяин он, Брлби. И он никогда не даст в обиду свою маму, папу, сестер и братьев...

Однажды карлики добрались и до их леса. Брлби впервые отправился на самостоятельную охоту и не видел, как по реке прибыли враги. Охота была удачной, ему удалось поймать дикую лань, подкравшись к ней с подветренной стороны. Глупая лань, заметив Брлби в последний момент, собралась сделать резкий скачок в сторону, но Брлби оказался быстрее. Он прыгнул сверху, разрывая когтями шею животного.

Неся на плечах лань, Брлби раздумывал, не завопить ли победную песнь, чтобы обрадовать родителей своей удачей, но потом решил идти тихо, как приходит отец. Будто бы ничего особенного не произошло. Подумаешь, лань! Рядовое событие. Просто у семьи появился еще один кормилец, вот и все...

Брлби насторожила необычная тишина, когда он подходил к дереву, возле которого жила его семья. Необъяснимое беспокойство тронуло его душу, и арлт ускорил шаги...

Возле дерева он увидел спящих братьев и сестер, но спали они в каких-то странных неудобных позах. Брлби остановился, присмотрелся к ним и понял, что ему показалось странным. Арлты не дышали. Брлби обвел взглядом поляну и увидел тело отца на краю. Из-под шкуры старого арлта тек ручеек крови, терявшийся в траве. Брлби заревел. И тут он услышал стон мамы.

Брлби бросился в лес, откуда донесся стон, но

так и не увидел умирающую мать. На него откуда-то сверху, с вершин деревьев, упала сетка из толстой прочной проволоки. Брлби старался ее разорвать, напрягая лапы изо всех сил, но только больше запутывался. На него накинута карлики. Они по несколько человек уцепились за концы проволоки, затягивая сетку все больше.

Карлики были слабаками, но у них были огнедышащие палки. Арлт понял, что это такое, когда один из врагов, наставив свою палку на него, громыхнул. Из палки вылетел огонь, лапу арлта обожгла боль. А потом еще и еще... Лапы были перебиты...

На корабле, куда карлики втащили Брлби, его держали в той же сетке и не кормили. Раны затягивались, он потерял много крови, но не умер. Похоже, карлики на это и рассчитывали.

Они привезли его в свой поселок, обессилевшего вытащили с корабля и поместили в железную клетку, надели ошейник, сковывавший движения так, что даже до прутьев арлт не мог дотянуться своими лапами.

Карлики приходили смотреть на него, слушали его рычание, смеялись, обнажая гнилые зубки.

Арлт перестал считать время, он не знал, сколько дней или месяцев провел в клетке. Постепенно отучился рычать, понимая, что лишь развлекает этим гогочущих врагов. Ночами он смотрел в небо, мечтая оказаться в далеких мирах, где нет злобных карликов. Небесные фонарики переливались манящим светом и обещали покой...

Однажды ночью, когда Брлби из-под прикрытых век рассматривал фонарики в небе, он вдруг почувствовал, как что-то вокруг меняется. Он не мог понять, что именно, но ему показалось, что небо превращается в огромную воронку, искажается, закручивается и тянет его к себе. Этого не могло быть, арлт широко распахнул глаза и понял, что это не сон, небо действительно притягивало его. Ошейник, прутья клетки растворились, за ними исчез и поселок карликов, и арлт ощутил себя парящим в воздухе, а затем несущимся все быстрее и быстрее к центру воронки, в которую сложилось небо. Ему казалось, что он летит с огромной скоростью по какому-то цилиндрическому коридору, арлту хотелось затормозить, его тошнило, но он лишь беспомощно махал ла-

пами, не будучи в силах хоть как-то повлиять на скорость движения.

На миг мелькнуло какое-то существо, несущееся в противоположном направлении, Брлби заметил его краем глаза и даже услышал крик. Арлт подумал, что это существо очень похоже на детеныша карлика, но убедиться в этом не мог, так как они мгновенно разминулись в непонятном пространстве.

С резким хлопком он очутился в затемненной комнате. Он не чувствовал привычного ошейника и потому, не дожидаясь, пока глаза привыкнут к полутьме, рванулся вперед, но наткнулся на невидимую стену. Арлт грозно зарычал и начал биться в стену еще и еще...

Остановившись на секунду, он увидел перед собой испуганное лицо карлика. Неужели они придумали какое-то новое мучение? Брлби охватила ненависть, с рыком, который мог бы разбудить мертвецов, арлт ринулся на карлика, который в испуге отшатнулся, вжавшись в стену.

— Плохой мальчик, плохой мальчик, — безостановочно шептал карлик, кажется, даже не понимая, что говорит.

Брлби снова наткнулся на невидимую стену, но, похоже, карлик сам не был уверен, что стена удержит разбушевавшегося арлта. Он кинулся к выходу, и арлт услышал, как прогрохотали по лестнице его шаги...

К утру Брлби устал. Он увидел сквозь ставни розовый рассвет, тяжелыми шагами подошел к стене и не ощутил ее присутствия, сделал шаг к окну, затем еще один и понял, что больше не заперт. Арлт кинулся к окну, толкнул его, поранив лапы о разбившиеся стекла. Под могучими ударами вылетели рамы и ставни, Брлби выскочил в окно, ударившись о землю, и понесся прочь из поселения карликов...

... Он не помнил, как оказался здесь, в каменной пещере, посаженный на толстую цепь. Смутно ему припоминались какие-то птицы, которые налетали на него среди песков, каменный замок, до которого он добрался в бессознательном состоянии. Очнувшись он уже на цепи, в холоде пещеры. Карлики приносили ему мясо и кидали, подсовывая длинными шестами, если он не мог достать еду. Он рычал на своих тюремщиков. Он понимал, что его используют как сторожа, но ему было все равно. Арлт готов был убить

любого, кто рискнул бы оказаться в пределах досягаемости, но злобные карлики были осторожны. Иногда целый отряд их на лошадях выезжал и въезжал в пещеру, но они были хитры. Существовал отдельный проход, вход в который был незаметен, терялся в темноте. Карлики знали, как обойти арлта, он чувствовал их запах, видел, как они въезжают в пещеру и как, обходя его, скачут через проход, отделенный от него каменной стеной. Он рычал в бессильной злобе, напоминая им, что пусть только один раз они забудут о проходе и сунутся поближе к нему, тогда-то он расчитается со злобным племенем за все...

Вот и опять он услышал, как простучали копыта за стеной, обернулся в сторону замка, откуда приходили те, кто его кормит, увидел, как из прохода выехал отряд карликов, и зарычал так, что содрогнулись стены...

Глава четырнадцатая

— Спаси нас, Идра! — прошептал юный веснушчатый оллиец, приглаживая рыжий вихор. Рык неизвестного зверя заставил его зябко поежиться.

Мар недовольно зыркнул на парня, но не проронил ни слова.

Ашура взглянул на Воительницу, та побледнела, но не показала испуга. Принц понял, что спутники ждут его решения. Так и должно было быть, ведь это его невесту шли спасать ганги и воины. Правда, спасти им предстояло и юного оллийского царя.

— Вперед! — скомандовал Ашура и первым шагнул к пещере.

За ним двинулись Дараям и Галлия. Ганги и оллийцы, смешавшись, следовали за своими вождями. Кое-кто опасливо косился на каменного идола, но камень и есть камень, по нему судьбу не прочтешь.

Солнечный свет почти не проникал в пещеру, ее темные своды тонули в темноте. Воины не прошли и полсотни шагов, как видимость упала настолько, что с трудом можно было различить идущего рядом товарища. Дело усугублялось тем, что стены этой пещеры испускали пар, то ли за стенами была вода, то ли холод, а может, на них было наложено какое-то заклятие. Мар

опасливо втягивал в себя воздух, раздумывая, не отравлен ли этот пар, но со старым воином ничего дурного не происходило.

— Вот так банька! — прошептал рыжий парень, ему никто не ответил.

Пещера была не очень широкой, стены отходили друг от друга примерно на полтора десятка шагов. Постепенно становилось все темнее.

— Может, здесь не просто проход в горы, а лабиринт? — предположил Дараям. Он коснулся копьем стены и дальше пошел так, чтобы чувствовать, как острие упирается в камень.

Неожиданно копьё подалось в сторону.

— Стойте! — воскликнул ученик жреца. — Здесь есть какой-то проход!

Отряд остановился. Воины вглядывались в стену, но ничего не могли разглядеть, может быть, только чуть более темное пятно, обозначавшее проход.

— Ты сможешь зажечь огонь? — спросил принц товарища.

— Тут слишком влажно, огонь не будет гореть, — вмешался Мар.

— Помнишь, как ты зажег траву? — продолжал принц.

Дараям помолчал, потом, подумав, предложил:

— Можно попытаться сделать факелы, только нужны тряпки, чтобы намотать на древки копий.

Мар стал разматывать кушак, которым был перевязан его халат, кинжалом отхватил часть и протянул Дараяму. Ученик жреца намотал тряпку на древко своего копья, положил его на каменный пол и, накрыв ладонями, затянул песню.

Как только звук его голоса поплыл под сводами пещеры, на пение отозвался кто-то, кто жил в пещере. Казалось, от страшного рыка поднялась воздушная волна, заставившая покачнуться воинов. Факел, сделанный Дараямом, начал тлеть, но тут же погас. Ученик жреца отнял от него руки:

— Придется идти в темноте.

— Ой-ей! Это ж в пасть к чудовищу! — выдохнул молодой оллиец, который просил Идру о помощи.

— Копья вперед! —скомандовал Дараям. — Посмотрим, что там. Если что, вернемся и обследуем это ответвление.

Оллийцы, вооруженные копьями, встали в первый ряд, выставив свое оружие. Малень-

кими шагами стали они продвигаться в темноту, не видя ни зги.

... Зато воинов видел арлт. Брлби, почувствовавший появление карликов, напрягся. Он мечтал о том, чтобы враги наконец не обошли его стороной.

Арлт увидел глазами, привыкшими к темноте, что карлики замешкались у прохода и колеблются. Брлби хотел дождаться врагов, не выдавая своего присутствия, но напряжение было невыносимым, испугавшись, что и на этот раз карлики обойдут его стороной, спрячутся за толстую каменную стену, он издал свой дикий рык. И, как ни странно, это помогло! Враги стали приближаться к нему.

Наконец-то они забыли о том, что он сидит здесь на цепи и мечтает отомстить всему карличьему племени за многочисленные обиды, за гибель людей и арлтов, за сестер и братьев, папу и маму. Сейчас он подпустит их поближе и разможит их черепа о стены!

Арлт уже дрожал от нетерпения. Он видел, что враги приближались медленно, опасливо, и понимал, что они боятся. Это было странно, ведь обычно карлики мчались по пещере довольно быстро, знали дорогу. Что ж, значит, это были другие карлики, но какое это имело значение для жаждавшего мести арлта!

Наверное, ему следовало прижаться к стене, наверное, следовало подождать еще чуток, но Брлби не мог больше терпеть. Огромный заряд ненависти будто толкнул его навстречу врагам. Он даже забыл об ошейнике, когда прыгнул вперед, выставив огромные когтистые лапы, которыми надеялся ухватить сразу нескольких врагов, ломая им кости, наслаждаясь предсмертными криками ужаса.

...Он сумел задеть только одного крайнего воина, когда был остановлен в прыжке натянувшейся цепью. Ошейник впился в кожу, и арлт грохнулся прямо на хвост. Дикая боль пронзила основание хвоста. Наверное, он сломал хрящ. Воин, которому коготь вспорол бок, упал, обливаясь кровью, не успев издать ни звука.

В шкуру арлта вонзилось сразу несколько копий. От боли Брлби взвыл и рванулся в обратную сторону. И этот рывок был столь сильным, что кольцо, к которому крепилась цепь, не выдержало, лопнуло с сухим треском.

В первое мгновение арлт не смог осознать, что теперь он свободен. Он сделал несколько прыжков, слыша крики и звон цепи за своей спиной. Но потом пришел в себя! Цепь больше не держала его! Ошейник был на месте, но сама цепь волочилась за ним. Арлт перестал обращать внимание на боль. Он схватил правой лапой цепь и, размахивая ею, кинулся на солдат.

... Солдаты услышали приближение зверя и закричали в ужасе.

— Копья вперед! — перекрывая их вопли, воззвал Ашура.

Но вокруг принца остались только самые верные: Галлия и ее ганги, Дараям, Мар и еще несколько оллийских воинов.

В это мгновение ученик жреца ощутил, как что-то обжигает ему грудь. Сквозь ткань на груди пробился зеленоватый свет. Амулет! Как же он забыл о нем!

Дараям сорвал с себя подарок неведомых богов, что уже однажды помог ему и принцу спастись от демонов, и выставил руку с амулетом вперед, надеясь, что это оружие защитит его и его спутников лучше любого копья.

... Зеленый свет полоснул по глазам арлта, обжигая их. Брлби как подкошенный рухнул на колени, пряча голову. Он завизжал от огорчения и бессильной злобы. Вновь проклятые карлики оказываются сильнее. Сердце арлта сковало непонятно откуда взявшийся ужас, он понимал только, что ему необходимо бежать прочь от этого света.

И тогда Брлби вскочил и кинулся прочь, прикрывая обожженные глаза лапами. Цепь гремела за ним, подгоняя арлта.

Он промчался через всю пещеру, добравшись до выхода. Мысли вспыхивали в мозгу арлта, но не складывались в четкую картину. Он по-прежнему хотел бы отомстить карликам, но пытаться пробраться в замок не рискнул, опасаясь вновь стать пленником своих врагов. Страх быть снова пленным и жажда мести переплелись в его сознании. Арлт кинулся прочь по проходу, а затем, увидев в скале уступы, образующие естественную огромную лестницу, стал громадными прыжками подниматься вверх.

Он скакал по скалам, оставляя позади себя замок и карликов, чьим пленником он был, поднимался все выше и выше, а потом, обернувшись,

увидел замок внизу, а за замком расстиралось зеленое море с барашками волн, катившихся на скалистый берег. Брлби вздохнул полной грудью и возликовал: он снова свободен! Да, эти места вовсе не напоминали его родной лес. Скалы, море, солнце, нещадно палившее... Но это было лучше, чем сидеть в клетке или на цепи в пещере. Прикрывая глаза тяжелыми кожистыми веками, арлт посмотрел в небо. Где-то там, за этой прозрачной лазурью, скрывается его родной мир. Хочется ли ему вернуться? Конечно, да, но только не туда, где правят карлики, а в то время, когда мама баловала его, качая на руках и рассказывая свои истории про дружбу людей и арлтов...

Что ж, раз и там, и здесь правят мерзкие карлики, он посвятит свою жизнь их уничтожению, будет убивать их всех, путешествуя по этому или любому другому миру.

Арлт присел, осматриваясь. Чутким ухом он услышал какое-то движение и посмотрел туда, где за грядой скал простиралась пустыня. На одной из вершин он увидел карлика, сопровождаемого птицами. Воспоминание проснулось в его голове — не эти ли птицы нападали на него, когда он бежал через пустыню из дома перепуганного карлика годы назад? Смерть им всем!

Арлт скачками понесся навстречу.

... Грифы увидели несущееся к ним чудовище и ринулись на него, но человек, бывший с ними, закричал вслед:

— Стойте! Не мой ли это мальчик!

Арлт узнал знакомый голос. Именно этот старик трясся от страха, когда Брлби ломился в прозрачную стену, чтобы отомстить за арлтов.

Грифы стали кружить над арлтом, и тот остановился, озираясь и рыча.

— Иди сюда, мой хороший! — звал старик, доставая что-то из-за пазухи. — Теперь-то я готов к встрече с тобой! Ты же был у меня первенским, вызванным из другого мира.

Арлт, увидев, что грифы кружат сверху, не предпринимая попытки напасть, кинулся на старика. Ему оставалось совсем немного, но старик швырнул в него горсть острых камешков, которые, словно живые, забрались в мех и пробуравили кожу. Арлт почувствовал, что теряет сознание, падая наземь у ног карлика.

Ему показалось, что прошла всего секунда. Арлт открыл глаза и увидел над собой человека.

Он вскочил на лапы и осмотрелся. Грифы также кружили в небе, но карлика больше не было. Над арлтом возвышался... человек. Он был очень похож на карлика, которого хотел убить Брлби, но не был карликом. Или он неожиданно вырос, или Брлби уменьшился... Но как мог стать меньше он сам, да еще и ошейник?

Перед ним стоял человек, как раз такой, какими описывала людей мама. Брлби встал на задние лапы, попытался передними достать до плеч человека, но оказался слишком низким. Человек потрепал его по холке:

— Ну вот, зайка, так-то лучше! Похоже, мы с тобой подружимся!

Арлту было очень приятно это прикосновение, он завил хвостом, не обращая внимания на отголосок боли, очень слабый отголосок. «Наверное, это человек меня вылечил, — подумал Брлби. — Он же добрый, этот человек. Арлты и люди всегда дружили, значит, теперь и мы с ним будем друзьями».

— Ну, пойдем! — сказал человек, беря конец цепи, и арлту это не было неприятно.

Кнохт, выслушав Хадма, растянул губы в улыбке и потер руки:

— Не будем терять времени! Магам, тащи сюда пленников, Хадм, охраняй проход. Банга, идем со мной!

Хадм круто развернулся и быстрым шагом направился выполнять приказ. За ним потянулись солдаты его отряда.

Магам побледнел, представив, что вскоре должно произойти. Он хотел было попросить своего повелителя отправить с ним и Бангу, но раздумал. В голове его мелькнула надежда на то, что Девика все-таки сменит гнев на милость и тогда им, может быть, удастся что-нибудь придумать. Он мелким шагом направился прочь.

Проходя через большой зал, чьи каменные стены были увешаны красными гобеленами с изображениями кровавых сражений, Магам услышал голоса в галерее, шедшей за залом. Колдун метнулся к стене. На лбу его выступил холодный пот. «Неужто в замок проникли чужаки?» — подумал он, почувствовав, как затряслись его руки. Но колдун справился с собой и пошел вдоль стены к выходу из зала, чтобы увидеть, кто говорит в галерее. Он надеялся остаться незамеченным.

Пробравшись к выходу, Магам навострил уши. Незнакомые голоса гулко отдавались в пространстве галереи, высеченной в скалистой толще. Осторожно заглянув в проход, Магам увидел группу смуглых людей в плащах. В центре группы стоял старик, который в это время проговорил:

— Итак, мальчики, я выполняю свое обещание. Вам нужен Хулла. Он здесь.

Старик подошел к скамье, шедшей вдоль стены. Под зеленым покрывалом на ней лежало нечто, очертаниями напоминавшее человека. Это и был человек. Магам увидел его, когда старик сдернул покрывало. Люди, окружавшие старика, не сдержали удовлетворенных возгласов.

— Что с ним? — спросил один из этих людей. — Предатель спит? Или умер?

— Можно сказать, спит, — сказал старик и захихикал. — Но я могу его разбудить.

— Да! Да! — заголосили люди.

— Нет-нет, — возразил старик. — Я, мальчики, понимаю ваши чувства. Конечно, казнить предателя вам хочется так, чтобы он осознавал все, что с ним происходит. Но мне нужны гарантии беспрепятственного возвращения через вашу пустыню.

— Ты пройдешь по ней! — сказал один из темнолицых людей.

Старик наклонил голову:

— Хорошо. Сейчас вы можете забрать вашего сотоварища...

— Он не товарищ, а предатель! — зло прервал старика тот же темнолицый.

Старик поправился:

— Вы заберете своего предателя, а разбужу я его на обратном пути.

Люди недовольно загалдели.

— А ты не боишься ставить нам условия? — спросил старика один из них. — Что мешает нам разделаться сейчас и с ним, и с тобой?

В этот момент Магам обратил внимание на существо, похожее на собачонку, крутившееся возле ног старика. Существо, услышав угрозу в голосе говорившего, недовольно заворчал.

— Спокойно, мальчики! — сказал старик и людям, и своему спутнику. — Может, у вас это и получится, но тогда Хулла так и помрет, не зная, за что и кто его убил.

Магам вслушивался в разговор, догадываясь,

кто перед ним. О пустынных колдунах ему приходилось слышать немало, и эти рассказы заставляли сердце колдуна тревожно биться. Но кто этот старик, так спокойно разговаривающий с жестокими существами? Этого Магам не знал. Он раздумывал, не бежать ли поскорее с докладом к Кнохту, в этот момент перстень на его мизинце начал нагреваться. Видно, Кнохт терял терпение.

— Мы заберем Хуллу и будем ждать тебя в пустыне! — объявил пустынный колдун старику. — Но если ты нарушишь обещание, мы тебя найдем!

— Конечно-конечно, — быстро согласился старик. — Я обещал вам Хуллу, я вам его отдал. Я обещаю его разбудить, я его разбужу.

Магам, прячась за стеной, услышал звук шагов. Пустынные колдуны, забрав спящего человека, удалялись. Старик же шел в сторону зала, где прятался Магам. Визирь Ахора на цыпочках отбежал в угол и вжался в стену, моля всех богов, чтобы они скрыли его от глаз старика, и, видимо, был услышан. Старик прошел мимо, не заметив Магама. За ним на цепочке бежало мохнатое существо. Видимо, оно все же не было собакой, раз не учуяло колдуна, и тот, едва шаги незнакомца стали затихать, проскользнул в галерею, а оттуда свернул на лестницу, которая вела на второй этаж, где содержались пленники.

По лестнице он взбежал, отдуваясь, быстро перебирая короткими толстыми ножками.

— Скорее! — крикнул он стражам, стоявшим у дверей. — Кнохт велел привести пленников.

Еще на лестнице Магам не знал, что он станет делать, будет пытаться склонить Девуку к согласию стать его женой или же поведет ее на смерть. Но теперь, когда кольцо все сильнее жгло палец, он уже не сомневался. Мысленно колдун проклинал то время, когда он добровольно позволил себя окольцевать, но делать было нечего, по выбранному однажды пути приходится идти до конца.

Магам рванул на себя дверь комнаты, в которой содержался Баг Атем. Царь лежал на тахте, рядом на полу сидел Синта. Его руки были связаны за спиной, и Юлия, которой запретили освобождать пленника, поила его водой из большого серебряного кубка.

— Хватайте старика! — распорядился Магам. —

Ташите его и бывшего оллийского царька вниз.

Магам выскочил из комнаты, пробежал по коридору и ворвался в следующую дверь.

Девика, услышав шум в коридоре, стояла почти на пороге. Увидев колдуна, она нахмурилась.

Магаму очень хотелось бы видеть ее склоненной перед ним, молящей о помощи и снисхождении, но гордый взгляд принцессы в очередной раз не оставлял ему надежд.

— Вот и все, принцесса! — злобно сказал он. — Теперь ты пожалеешь, что не вняла моим словам.

Оттого что кольцо все сильнее жгло невидимым пламенем, злоба накрыла его душу черной волной. Он грубо схватил девушку и выволок в коридор.

И тут сзади на него налетел Синта, вырвавшийся из рук стражника. Магам не ожидал нападения и потому, нелепо взмахнув руками, грохнулся на каменный пол, устланный ковром. Он ударился носом, и сразу на ковер закапала кровь, сливаясь с его багряным ворсом.

— Мерзкий царек! — всхлипнув, тонким голосом воскликнул Магам, откатываясь в сторону от наступавшего на него Синты.

— Негодяй! — крикнул Синта, намереваясь пнуть поднимающегося на ноги колдуна, но в этот момент стражник грубо схватил его за веревку, которой были связаны руки царя.

Девика, прижавшаяся к дверям, с благодарностью и сочувствием посмотрела на своего защитника. Баг Атем не реагировал на происшедшее, второй стражник держал на руках его иссохшее тело.

— Ничего, — выдохнул Магам, вытирая кровь полую своей хламиды. Кровь пятнала белую ткань. — Скоро я пролью твою кровь.

Синта рванулся, но стражник держал его крепко. Магам снова схватил девушку за руку, но не так грубо, как прежде, опасаясь, что молодой царь все-таки вырвется и отомстит ему.

Быстро спустившись по лестнице, пленники и их стража, возглавляемая колдуном, прошли в комнату, где их ожидали Кнохт и Банга. Магам так спешил, подгоняемый жжением кольца, что даже забыл о незнакомом старике и пустынных колдунах. Ему хотелось скорее избавиться от боли.

Едва увидев Кнохта, он облегченно вздох-

нул, помахивая рукой, которую наконец отпустило жжение.

В центре комнаты, освещенной факелами, стоял, словно алтарь, каменный стол, покрытый белой льняной скатертью. Кнохт, только и ожидавший пленников, удовлетворенно кивнул, вытащил перстень и положил на середину стола.

Подняв очи горе, он воздел руки и прокричал:

— О, великий Вала! Взываю к тебе! Узри твоих избавителей, свершивших немалые подвиги для твоего освобождения! Вернись в этот мир и служи нам!

Банга, скривив губы в усмешке, подошел к племяннику, смотревшему на происходящее исподлобья. Девике стало дурно, и она прислонилась к Синте, бессознательно ища у него защиты.

Магама била мелкая дрожь от осознания важности момента.

— Держи племянничка, — приказал Кнохт Банге, а Магаму поручил девушку.

Он удалил стражников, сам подтащил ослабевшего Баг Атема к столу, вытащил из ножен кинжал, блеснувший в свете факелов.

— Первая жертва! — воскликнул он, помедлив секунду, чтобы собраться с силами, вонзил острие в грудь старика и тут же резким движением вытащил кинжал, повернув тело так, чтобы кровь полилась на перстень.

Алое пятно расплозалось по льняной скатерти.

Кнохт откинул тело старого царя Ахора и повернулся к Синте. Банга, почувствовав, как напряглись мышцы на руках его племянника, обхватил юношу покрепче и потащил к столу. Бледный Магам, во все глаза смотревший на то, как хладнокровно Кнохт своими руками убил старика, напротив, ослабил хватку. Магама не пугало убийство, но прежде ему не приходилось убивать самому или даже видеть, как на его глазах отнимают человеческую жизнь другие. Он привык действовать с помощью колдовства, именно так колдун убрал со своего пути первого визиря.

Девика, поняв, что сейчас ждет ее и симпатичного юношу, так смело кинувшегося на ее защиту, бросилась к нему и вцепилась в руку Банги, стараясь ослабить хватку. Синта попытался вырваться из крепких объятий родственника, но не мог этого сделать. Ему удалось поднять ногу и с силой опустить ее на ногу дя-

де, тот взвыл, отпустил на миг руку, отталкивая вцепившуюся девушку. Девика упала бы, не подхвати ее Магам. Она забилась в его руках, протяжно закричала, но голос ее не проникал сквозь толщу каменных стен.

— Держи крепче девчонку! — прошипел Кнохт и поспешил на помощь Банге.

Жажда жизни увеличила силы молодого царя. Со связанными руками он пытался вывернуться, и это ему удалось. Синта отскочил в сторону, но на него бросился Кнохт. Опомнившийся Банга широко размахнулся и заехал племяннику кулаком в ухо. Синта дернулся, на мгновение отключился, но этого мгновения хватило врагам, чтобы вновь схватить юношу. Они подтащили его к столу и, напрягшись, повалили спиной на столешницу. Банга всем телом удерживал его слева, Кнохт — справа.

— Не отпускай! — прохрипел Кнохт, дотягиваясь до кинжала, лежащего на столе.

Синта махнул головой, задев перстень, который, сверкнув в воздухе, со звоном упал на пол.

Девика забилась в руках Магама, но тот не выпускал свою пленницу.

— Растяпы! — прошипел Кнохт. — Держи его!

Отпустив юношу, он резво метнулся в сторону, упал на колени и стал шарить ладонями по полу, стараясь разглядеть потерю в тусклом мерцающем свете факелов. Синта, напрягшись из последних сил, оттолкнул Бангу и отскочил от стола. Банга, недобро ухмыляясь, вытащил меч:

— Нам нужна твоя кровь, и мы ее получим! — крикнул он, наступая и занося меч для удара.

Когда звон волочившейся по камням цепи потерялся вдали, амулет, вспыхнув напоследок в ладони Дараяма, перестал светиться. Ученик жреца больше не чувствовал его тяжести на ладони.

— Нас спас амулет? — спросил его принц. — Но где он?

— Его больше нет, — ответил Дараям.

— Как нет? — воскликнул Ашура. — Он упал? Потерялся? Надо найти его!

Дараям только покачал головой в темноте.

— Нет, принц, — сказал он. — Амулет приходит и уходит по воле богов тогда, когда они считают нужным послать его или забрать. Дальше нам придется обходиться без его помощи.

— Тогда идем! — хмуро сказал Ашура.

Ганги тихо подобрались к проходу, иного выхода, как выглянуть и посмотреть, что творится снаружи, не было. Но стоило одной из девушек осторожно высунуть голову, как рядом о камень ударился кинжал. Осколки камня впились в щеку ганги, хотя она резко отдернула голову.

— Ты видела, много ли их там? — спросила Галлия.

Ответить девушка не успела, воины, гремя оружием, вбежали в проход. Первым несся Хадм, занесший над головой кривую саблю. Галлия, едва услышав шум, приготовилась к битве и, видя несущегося на нее Хадма, вступила в схватку. Через пару секунд в проходе развернулась жестокая сеча, ганги и оллифы, возбужденные опасным переходом, рвались наружу, на солнечный свет, и это желание способствовало тому, что они стали теснить противника. Вперед вышли оллифы, обзлившиеся на неизвестных врагов за гибель товарища. Проход был слишком узок для того, чтобы сражаться могли все сразу. Ганги, не имевшие возможности вступить в битву, криками поддерживали своих союзников, и мужчины, не хотевшие ударить в грязь лицом, проявляли чудеса, кося врагов своими острыми саблями.

Через несколько минут им удалось прорваться, оставляя позади себя трупы врагов. Воины Хадма, привыкшие к колдовской защите, оказались неспособными противостоять ярости пришельцев. Их вождь не уступал в ловкости Галлии, с которой рубился, но, осмотревшись, он стал терять самообладание. Он увидел, как падают вокруг его воины, сраженные оллифами и гангами, понял, что и ему уже не спастись, даже если удастся убить лесную фурию. Рядом с ней был Дараям, не давая Хадму возможности подловить девушку. Чтобы не оскорбить Воительницу, Дараям не наносил смертельного удара сам, но был готов это сделать в любую минуту.

Когда Хадм стал уставать, он допустил промашку, замешкался, и острое сабли грозной ганги опустилось на его шею, разрубая тело. Лицо воина исказила злобная гримаса, и он упал под ноги своей противнице. Битва была закончена, воинам Хадма не удалось задержать отряд.

Прямо перед оллифами и гангами в стене, сложенной из огромных валунов, находилась

дверь, сбитая из толстых досок. Мужчины навалились на нее и обнаружили, что она не была заперта. Хадм, отвечавший за защиту замка, выбрал неправильную стратегию. Ашура первым вбежал в замок и в нетерпении оглянулся. Высокие своды терялись в темноте, из стен вело несколько проходов. Отряд остановился, ожидая, какой путь выберут военачальники.

— Идем прямо? — спросила Галлия.

— Давайте посмотрим везде! — предложил принц и сам метнулся к проходу справа, остановившись возле него и всматриваясь в уходящие залы.

Ганги подбежали к левому коридору и вскоре выяснили, что и он разветвляется.

— Сюда! Тихо! — громким шепотом произнесла Риска. — Там кто-то есть.

Воины легко подбежали к ней и стали прислушиваться. В одном из ответвлений коридора они слышали шаркающие шаги и невнятное бормотание. Через несколько мгновений им удалось разобрать это бормотание и они увидели старика, старавшегося резво шагать, но задевающего подошвами своих кожаных сапожек каменные плиты пола. Старик шел с прикрытыми глазами, будто повинясь какому-то чутью, указывавшему направление.

— Так, теперь сюда, уже близко...

Незнакомец скрылся в коридоре, Ашура намеревался было последовать за ним, но Дараям придержал его за локоть. Принц увидел, как в коридор выбежала стройная девушка. На ее лице отражались испуг и отчаяние, она явно нуждалась в помощи. Ашура шагнул ей навстречу.

Испуганная девушка вздрогнула, резко остановилась, едва удержавшись на ногах, и не смогла сдержать короткий вскрик.

— Не бойся! — ласково проговорил Ашура.

— Вы — не воины Хадма, — не сразу произнесла она. — Тогда кто вы?

— Если ты боялась солдат, встретивших нас в замке, то можешь больше не бояться. Мы пришли сюда, чтобы спасти принцессу Хозрема Девилку и царя Оллии Синту. А кто ты?

— Простая служанка Юлия. Наверное, я понимаю, о ком вы говорите. В последние месяцы я старалась облегчить страдания царя Баг Атема...

— Баг Атем жив? — удивленно воскликнул Ашура.

— Совсем недавно был жив, но очень слаб, — тень грусти набежала на лицо девушки.

Локоны упали на ее лоб, когда она наклонила голову, пытаясь спрятать слезы, выступившие на глазах. И Ашура шагнул к ней, дотронулся до ее открытого плеча:

— Где они? Перед тобой здесь прошел седобородый старец. Это он пленил их?

— Старец? — удивленно переспросила Юлия.
— Нет, их пленил Кнохт. Я не знаю, о ком вы говорите... Кнохт хочет убить и Баг Атема, и ваших друзей. Может быть, в эту минуту над ними уже занесены ножи.

— Тогда идем! — решительно вмешалась в разговор Галлия. — Может быть, мы успеем их спасти.

Юлия будто бы заколебалась, но доверчиво взглянула на Ашуру и, взяв его за руку, повела в коридор, куда прежде удалился старик.

Через некоторое время они увидели впереди широкую круглую комнату, в стене которой была устроена тяжелая двустворчатая дверь. Перед дверью стоял старик, а рядом валялись тела двух стражников. У ног прищельца крутилась необычного вида собака с плоской мордой. Она то и дело приподнималась на задние лапы, и видно было, сколь велики черные когти на передних. Старик, если и слышал звуки приближающегося отряда, не обратил на них внимания. Прodelав несколько пассивов руками, он плотно прижал ладони к толстым доскам двери и потянул за кольца, вделанные в эти доски. Створки открылись, бежавшие впереди Ашура, Юлия и Воительница успели увидеть за дверью нескольких человек, но не смогли разобрать, кто это был, как один из них, отреагировав на скрип двери, кинул что-то в старика, очевидно, непрощеным гостем явившегося в замок.

Старик с неожиданной резвостью отпрыгнул, мимо него пронесся газообразный светло-фиолетовый шар, взорвавшийся с грохотом в нескольких шагах от коридора, где был отряд. Ашура кинулся на пол, потянув за собой Юлию, олимпийцы и ганги с криком попадали. Но принц ползком двинулся дальше, за ним последовали и остальные.

В комнате стоял невообразимый шум, будто кто-то устроил там праздничный фейерверк.

Кнохт бросал в старика фиолетовые шары, а старик в ответ — ядовито-желтые, шары сталкивались, разлетались, взрывались, наполняя замок дымом и грохотом.

Поняв, что цветным дымом и шумом им друг друга не испугать, колдуны начали готовиться к серьезной битве. Седобородый старик вытащил из складок плаща мешочек, но не успел развязать его. Манипуляции незнакомца не остались незамеченными хозяином замка.

— Банга, Магам, ко мне! — закричал главный колдун, протянув руки в стороны.

Дым, распушенный шарами, быстро рассеивался. Ашура вскочил на ноги, увидев перед собой спину старика. Напротив них стояли три колдуна, и тот, что был в центре, произносил заклятие, закатив глаза так, что зрачки ушли и на лице видны были только белки в красных прожилках.

— А, и этому вы уже научились! — вскричал старик, видно, не ожидавший увидеть такие умения у противников. Он не успел выставить защиту и потому метнулся куда-то вбок, уходя от заклятия.

Принц последовал его примеру, отталкивая от себя подальше Юлию, державшуюся рядом. Все трое упали на каменные плиты, Ашура тут же рванулся вперед, а старик остался лежать. За спиной принца раздался сдавленный крик Мара, не успевшего уйти от заклятия колдуна, но принц не оглядывался.

На колдунов с рычанием бросилась собака старика. Троица колдунов, державшихся за руки, распалась, Банга выхватил саблю, вступая в битву с новыми противниками, Магам отмахивался от собаки, Кнохт кинулся к девушке, в которой Ашура узнал свою невесту. Он побежал наперерез, но Банга прыжком преградил ему путь. Краем глаза Ашура увидел и Синту, к которому спешила Галлия.

Банга взмахнул саблей, а принц, споткнувшись о выступавший из пола камень, оказался не готов к защите. Он уже был готов попроситься с жизнью, когда откуда-то сбоку, словно выпущенный из пращи камень, вылетела Юлия и упала к ногам его противника. Банга от неожиданности пошатнулся, и этого времени Ашуре хватило, чтобы совладать с собой. Он выпрямился и в эту минуту увидел, что лезвие сабли Банги гото-

во опуститься на тоненькую шею Юлии, а чуть дальше, за каменным столом, Кнохт с кинжалом наготове держит Девиду.

Принц, наверное, не смог бы объяснить, почему он сделал именно такой выбор. В ту секунду, когда гибель грозила обеим девушкам, он пришел на помощь Юлии, а не своей невесте. Может быть, это произошло оттого, что Юлия была ближе... Когда сабля Ашуры скрестилась с саблей Банги, через стол перепрыгнул освобожденный кем-то из ганг Синта. Молодой оллийский царь обрушился на Кнохта, не думая о собственной безопасности. Синта и колдун упали, но Девика была спасена.

Сабля принца вошла в тело Банги, и кровь хлынула из широкой раны на стол, где лежал неприметный перстень. Украшение, будто попробовавшее эту кровь на вкус, заиграло призрачным светом. Банга с остекленевшими глазами рухнул под ноги принца.

С другой стороны стола катались по полу Синта и Кнохт, окружившие их оллийцы и ганги не могли помочь юному царю, боясь его поранить. Пользуясь тем, что следящие за борьбой воины не обращали на него внимания, Магам, вжавшийся в стену, решился на отчаянный поступок. Выставив кинжал, он прыгнул к Девике, пытаясь убить ее и окропить ее кровью перстень. Ему помешала Галлия, оттолкнувшая принцессу и принявшая удар на себя. Кинжал Магама вошел в ее плечо. Колдун резко вытащил кинжал и, увернувшись от ее сабли, кинул окровавленное оружие на перстень. Он намеревался напоить перстень кровью Девики, но, действуя автоматически, сам плохо понимая, что он делает, дал ему попробовать кровь ганги.

Ничего не должно было произойти. Тем большей неожиданностью для колдунов и тем более для их противников стало произошедшее. Едва окровавленный кинжал коснулся перстня, из глубины стекляшки раздалось шипение, заставившее всех зажать уши. Синта и Кнохт вскочили на ноги и, как и все прочие, уставились на перстень, из которого повалил насыщенный зеленый чад, огромной змеей извивавшийся над столом. Голова этой змеи поворачивалась в разные стороны, словно искала, кого первым ужалить, укусить. Воины невольно отступили на шаг к стенам, Девика

прижалась к Синте, который заслонил ее от страшного зрелища.

Когда хвост змеи покинул перстень, стекляшка рассыпалась на мельчайшие кусочки.

Поднявшись над людьми, зеленая змея покачалась в воздухе, а затем медленно проплыла к стене, где было брошено тело Баг Атема. Змея коснулась его лица и стала исчезать. Минута, и вся она вошла в тело. Глаза старого царя открылись.

— Вот я и вернулся, — хрипло проговорил он.

Глава пятнадцатая

Все стояли в оцепенении, когда, услышав этот голос, Кнохт радостно захохотал и воскликнул:

— Свершилось! Великий Вала вернулся к нам!

Вздок ужаса и отчаяния пронесся по комнате. Баг Атем, точнее, существо, завладевшее его телом, подтвердило слова колдуна:

— Да, это я, тот, кого прозвали Черным Палачом. Я всегда знал, что у людей хватит глупости возродить меня к жизни.

Кнохт побледнел:

— Что ты хочешь этим сказать? Я, Кнохт, стал твоим учеником и продолжателем твоего дела. Я нашел твой замок, открыл его секреты, я выяснил, куда недостойные земные владыки упрятали тебя, наконец я освободил тебя! Теперь ты должен быть мне благодарным за это, сделать меня царем царей...

Баг Атем скрипуче рассмеялся. Этот смех леденил кровь, поскольку на мертвом лице шевелились губы, но само лицо оставалось почти недвижимым, будто смеялась какая-то маска.

— Ты дурень, человек! Вала никогда и никому ничего не был должен, тем более не должен благодарности. Ты, честолюбец, не ради меня, а ради своих устремлений вернул меня сюда. Ты просчитался. Смерть ждет тебя так же, как и всех остальных, когда из темного мира придут на землю раскасы.

— Постой, постой! — вскричал Кнохт. — Ты не можешь так поступить со мной!

— У тебя есть один выход, — проговорил Баг Атем. — Пока я еще не вошел в полную силу и смог вселиться только в этого почти мертвяка,

которого покидали остатки жизни. Он долго не протянет, с каждым словом жизнь утекает из его тела. Мне нужно новое тело, в котором я смогу действовать. Ты готов подарить мне свое тело?

Тусклые глаза Черного Палача вперились в бледное лицо колдуна.

— Не-е-ет! — завопил Кнохт. — Я дам тебе другие тела, сколько захочешь, но не смей трогать мое!

Вала снова скрежещуще засмеялся.

— Я возьму любое тело, какое мне понравится, когда войду в силу. А пока могу жить в том теле, которое хозяин отдаст мне добровольно. Ты отказываешься? Хорошо, я подожду. Рано или поздно силы вернутся ко мне, с каждым разом я смогу брать более сильные вместилища для своего духа.

Воины молча следили за разговором колдунов. Галлия зажимала рукой плечо, из которого сочилась кровь. Увидев это, к ней подошел Дараям и, оторвав от своего плаща широкую полосу, стал перевязывать рану. Девика стояла, опираясь на руку Синты. Рядом были Ашур и Юлия. Ганги и олийцы стояли за ними.

На влажных стенах плясали отблески света от чадающих факелов. Створки дверей во время битвы закрылись, теперь только узенькая полоска света пробивалась на темные плиты пола. Эта мрачная комната древнего замка как нельзя более подходила для разыгрывающейся сейчас мрачной картины.

Кнохт затравленно оглянулся. Тело его верно-го Банги лежало у стола, трусливый Магам съехался в углу. Кнохта окружали суровые воины — женщины и мужчины, на помощь которых он не мог надеяться. Да и можно ли было ему помочь? Своими руками он пробудил, вернул к жизни силу, готовую сокрушить всех людей на земле, смять и его самого.

— Что делать? Что делать? — прошептал он. — Кровь трех царей заперла Валу, кровь трех царей его освободила...

Кнохт не понимал, почему кровью Воительницы удовлетворился перстень, ведь в древних манускриптах он вычитал, что лишь та кровь сможет освободить Валу, которая его некогда заперла, но думать об этом он сейчас не мог, мысли скакали в голове, словно табун диких лошадей.

Вперед шагнул Ашур:

— Здесь хватает царей, чтобы вновь запереть Черного Палача.

Демон растянул губы, скалясь, и заговорил нараспев:

— Древний мастер сделал перстень, тот, что стал темницей Вале, запер демона на время, от людей его упрятал. Три царя со мной сражались, зло старались уничтожить, обратились к силам света, поклялись служить им верно. Силы света не молчали, в битву грозную вмешались и царей спасли от смерти, дали смелость и отвагу, дали мужество и силу, чтоб меня пленить сумели, в перстень мелкий уместили, и надолго был сокрыт я. Только зло не уничтожить, не избавиться от смерти, слишком глубоко втесалось зло в сердца людишек темных. Ждал я годы, ждал столетья, и пришло освобожденье, снова возвращаюсь к жизни, снова тьму на свет бросаю...

Пение демона оказывало околдовывающее действие на тех, кто его слушал. Олийцы и ганги боролись с искушением закрыть глаза, упасть на колени, склониться перед мерно раскачивавшимся Валою. Страхнув с себя оцепенение, Ашур шагнул к демону:

— Хватит!

Он готов был рубануть саблей по исхудавшей шее старика, но Юлия прошептала сзади:

— Баг Атем...

Принц заколебался, он понимал, что сейчас в теле старого царя поселилось нечто ужасное, чему нет места на земле, но ему было бы трудно заставить себя добить Баг Атема.

— Бесполезно! — выдохнул Кнохт. — Здесь царей более чем достаточно, но никто не знает, как запереть демона. Мне удалось найти только рецепт его возвращения, но я не пытался узнать, каким образом можно его вновь пленить.

— Глупый человечек, — прошелестел Вала. — Вы всегда сначала делаете, а потом думаете, как исправить содеянное...

— Кроме того, перстень рассыпался в прах. У нас нет другого, я не знаю, как его раздобыть или изготовить, — окончил Кнохт свою мысль.

Сейчас колдун понимал, какую ошибку совершил. Кнохт чувствовал себя нашкодившим учеником, проказы которого стали известны строгому учителю, уже приготовившему розги для вразумления глупого юнца. Он готов был вступить в союз с любым, кто сумеет рассказать, как

вернуть демона в его узилище, молил бы о прощении Ашуру, Синту, Девиду и даже Баг Атема, если тот останется жив, ползал бы на коленях и целовал им руки, но все это было бесполезным.

Дараям, стоявший позади принца рядом с Воительницей, вдруг заметил, как полоска света, попадавшая в комнату сквозь щель в створках двери, на мгновение скрылась в тени, а затем показалась вновь. Ученик жреца догадался, что за дверью кто-то стоит. Он не знал, друг это или враг, и начал потихоньку двигаться к двери, чтобы посмотреть. В этот момент демон вновь заговорил:

— Итак, никто из вас не хочет подарить мне свое тело. Хорошо, пусть будет так. Свобода у меня есть, это значит, что тело я найду.

— Скажи, великий Вала, — елейным тоном обратился к нему Кнохт. — А вне тела ты существовать не сможешь?

— Дурень! — обругал его демон. — Я могу прекрасно существовать без ваших неповоротливых тел, но как иначе я смогу с вами разговаривать? Где возьму голос и руки, чтобы творить заклинания? Ничего, скоро все это будет у меня в неограниченном количестве, дайте только малое время на то, чтобы набраться сил. Жизнь мертвяка, в которого я вселился, уже дала мне частичку мощи, сейчас я сильнее, чем был, когда только освободился от перстня. А вскоре я обрету всю мощь, которая мне необходима. Прощайте, глупые людишки. Мы с вами еще увидимся...

Когда отзвучали эти слова, зеленая змея стала выползать из макушки старого царя. Снова воины невольно втянули головы в плечи и расступились, боясь, что плотный ядовито-зеленый дым заденет их, осквернит прикосновением.

Змея, будто издеваясь над ними, поднялась к потолку, а затем стала опускаться все ниже, делая круг по комнате. Когда она приблизилась к углу, в котором дрожал Магам, ахорский визирь не выдержал, заорал и бросился к двери. Рывком распахнув створки, он выскочил наружу и помчался по коридору. Те, кто стоял ближе к двери, видели, как за ним с ревом помчалась странная плоскомордая собака, намереваясь то укусить, то схватить когтями мелькающие ступни. Но Магам очень резво перебирал короткими ножками.

Змея выплыла из комнаты и также поплыла по коридору. Она не преследовала Магама, а,

свернув к пробитому в стене окну, вырвалась из замка.

Воины смотрели вслед исчезающему демону, когда в дверях появился седобородый старик, которого ганги и оллийцы уже видели в замке. Обернувшись, он крикнул неожиданно громко:

— Мальчик, назад!

Не сомневаясь, что собака его услышит, он шагнул в комнату.

— Ну, теперь настало время познакомиться поближе, — сказал старик. — Меня зовут Донкранк Фир, если это кому-нибудь что-нибудь скажет.

— Кто ты? — воскликнул Кнохт. — Зачем ты пришел ко мне?

Старик спокойно прошел в комнату, встал напротив Кнохта и только тогда ответил:

— Ты дурно воспитан, мальчик! Я уже назвал свое имя, а ты не торопишься с ответной любезностью. Слушая твою веселую беседу с Валой, я понял, что Вала был прав, ты действительно глупенький колдунишко, не осознающий, что творишь. Надо бы взять над тобой шефство, тем более что теперь я поселюсь здесь.

Обернувшись к собравшимся, старик сказал:

— Да, а вы, мальчики и девочки, можете идти домой. Насколько я понимаю, все, что вы могли сделать, вы уже сделали.

— Ну уж нет! — возразил Синта. — Мы едва не простились со своими жизнями в этом чертовом замке, а ты предлагаешь нам уйти, так ничего и не узнав!

— Не слишком ли много ты на себя берешь, старик, если указываешь принцу Хостинпура, царям Оллии и Ахора, принцессе Хозрема, что им делать? — холодно спросил Ашура.

— Царь Ахора мертв, — грустно сказала Юлия, которая, как только демон оставил Баг Атема, кинулась к телу несчастного узника. Она положила ладонь на его глаза и закрыла веки ахорского царя.

Все повернулись в ее сторону, но внимание вновь привлек старик:

— Хорошо, раз вы настаиваете, то можете пока остаться. Жаль, конечно, что душа Баг Атема покинула его тело, но это случится рано или поздно со всеми нами. Его сын, как я слышал, не столь мудр, как его отец. Но у нас есть

более серьезная проблема. Это вернувшийся по глупости колдунишки демон. Насколько я понимаю, никто из вас не знает, как с ним справиться, а понять это надо, поскольку Вала не будет ждать долго. Он не лгал, когда говорил, что вскоре обретет мощь.

— А ты откуда знаешь? Почему ты позволяешь себе так нагло себя вести? — крикнул Кнохт.

— Тебе лучше вообще помолчать, — прервал его старик. — А то эти достойные люди решат покарать глупца, по милости которого Вала вернулся.

Поймав на себе тяжелые взгляды воинов, Кнохт опустил глаза, но пробормотал:

— Я еще могу защищаться!

— Уже нет, — успокоил его Донкранк Фир. — Как только Вала покинул эту комнату, я предпринял необходимые действия. Теперь твоя магия не действует.

Кнохт взмахнул руками, шепча заклинание, но ничего не произошло. Он испуганно уставился на старика.

— Убедился? — спросил тот.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Птичка начирикала, — улыбнулся старик. — Да, ты уж прости, я немного пораспорядился в твоём замке... Мальчик, успокойся!

Последние слова были адресованы животному, которое вбежало в комнату, кинулось прямо к Кнохту и, встав на задние лапы, попыталось воткнуть когти в его бока. Кнохт в испуге отскочил.

Повинуясь команде, существо вернулось к Донкранку Фиру и уселось рядом с ним.

— Так вот, я говорил, что начал наводить здесь порядок, — продолжил маг. — Хуллу я вернул его друзьям, пустынным колдунам. Зачем он здесь нам нужен?

— Хадма тоже убили пустынные колдуны? — хмуро спросил Кнохт.

— Если ты о том воине, что со своими солдатами пытался преградить нам путь в замок, то с ним пришлось поговорить нам, — ответил ему Ашура.

Донкранк Фир одобрительно взглянул на принца и снова обратился к Кнохту:

— Итак, защитников у тебя не осталось. Замечательный зверек, которого ты держал на цепи, теперь служит мне. А помощники, с которыми ты играл в великих волшебников, тоже тебя по-

кинули. Один убит, — он кивнул на тело Багама, — а второй сбежал.

— Наверняка расскажет молодому царю Ахора, что его отца убили мы, — проговорил Синта.

— Но его можно вернуть, не так ли? — спросил Донкранк Фир Кнохта. — Сдается мне, что ты отыскал здесь такие замечательные колечки, которые заставляют людей, однажды их надевших, подчиняться тебе. Правда? Отыскал?

Кнохт невольно спрятал руку за спину. Донкранк Фир хитро ухмыльнулся.

— Не вмешивайся не в свое дело! — взвизгнул Кнохт.

— Сейчас ты убедишься, что это мое дело! — возразил Донкранк Фир.

Маг неспешно подошел к одному из факелов и потянул за него. Часть стены со скрипом отступила, открывая нишу. Донкранк Фир протянул руку и вытащил из-за стены небольшую шкатулку, украшенную изящной резьбой. Он встряхнул находку, внутри зазвенел металл.

— Вот они, колечки! — радостно сказал Донкранк Фир.

— Поставь на место! — закричал Кнохт. — Зачем они тебе?

Колдун кинулся к старику, но его за шиворот схватил Дараям. Ученик жреца каким-то неведомым чувством понял, что от Донкранка им не нужно ждать неприятностей.

Шкатулка явно была знакома Фиру. Он повертел ее в руках и нажал на один из едва заметных выступов, который любой другой человек принял бы за украшение. Крышка легко открылась, Донкранк Фир запустил руку внутрь и вытащил пригоршню колец.

Кнохт, освободившись от державшего его Дараяма, голосом балаганного зазывалы начал орать:

— Любезные гости! Позвольте предложить вам в знак нашей дружбы эти простые колечки!

— Заткнись! — оборвал его Фир. — Во-первых, надевающий кольцо должен понимать, какие обязательства берет на себя. А во-вторых, ты уже попробовал управлять кольцами и теми, кто их носил, и что у тебя вышло?

Маг посчитал кольца, лежавшие в шкатулке:

— Одного не хватает, — сказал он и снова полез в нишу, только в углубление, которое находилось с другой стороны. Он извлек оттуда еще одно

кольцо, по виду не отличавшееся от прочих, взгляделся во внутреннюю его сторону, будто разбирая еле видимые письмена.

Выбирая, на какой палец его надеть, он вытянул руку, и собравшиеся увидели, что на ней не хватает мизинца.

Кнохт раскрыл рот от удивления.

— Ты... ты...

— Да, я — один из учеников Валы, — подтвердил его догадку Донкранк Фир. — Не самый бесталанный и, должен заметить, самый удачливый, поскольку сумел ускользнуть, освободившись от его власти самым простым способом.

— Ты отрубил себе палец? — уточнила Галлия.

— Да, другого выхода не было, — согласился маг. — Я бы и дальше держался от демона подальше, но уверен, что вскоре он всем нам напомнит о себе. Так что прятаться сейчас не время.

— А что нам делать? — подала голос Девика.

— Вам, прекрасная принцесса, — улыбнулся Фир, — нужно выйти замуж, как вы и собирались сделать, если я правильно понял. А мне еще надо подумать, как найти Валу и как его обезвредить.

— А ты уверен, что у тебя получится? — задал вопрос Дараям.

— Ну не зря же я столько лет занимался науками, — скромно потупился Фир.

Кнохт во все глаза смотрел на него:

— Но сколько же тебе лет? — выдавил он.

— Да, — игриво заявил маг, приглаживая седую бороду. — Надо признать, для своего возраста я довольно молодо выгляжу.

Он аккуратно надел кольцо, лежавшее отдельно, на безымянный палец.

Кнохт, наблюдавший эту сцену, даже подпрыгнул от радости:

— Теперь ты мой! Как только магия вернется ко мне, ты будешь привязан, как собачонка! Ученик Черного Палача сам будет прислуживать мне!

Колдун не мог сдержать восторженного возгласа. Собака Донкранка заворчала на колдуна, но Фир успокоил ее и смерил Кнохта ироничным взглядом:

— Да ну? Ты ошибся, дружок. Ты полагал, что надел кольцо Валы, а на самом деле надел похожее, почти с такими же символами внутри. Ты надел кольцо, которое принадлежало мне, я узнал его на твоей руке. Мне пришлось оставить кольцо вместе с мизинцем в этом замке. Значит,

Вала успел его найти и положить вместе с другими. Так было дело? Случаем, не было ли костей моего пальчика рядышком?

— Не может быть, — прошептал растерянный Кнохт.

— Убедись сам!

Донкранк Фир нахмурил брови, сосредотачиваясь, и Кнохт завопил от боли, обжегшей его палец.

— Видишь, я прав. Поскольку ты сам надел кольцо, понимая, что за этим последует, то снять его, кроме как распрощавшись с пальцем, не сможешь, — напомнил Донкранк Фир. — Кстати, я позабочусь, чтобы и с пальцем расстаться ты не сумел, так что лучше тебе не сердить меня.

— Слушаю, господин, — хмуро сказал Кнохт, опуская голову.

Донкранк Фир повернулся к воинам, ставшим свидетелями разговора колдунов:

— Думаю, вам пора. Конечно, вы можете остаться, пообедать и отдохнуть, правда, хоть я и вступил во владение этим чудным домиком, но еще не знаю, имеются ли здесь в достаточном количестве запасы...

— Как остановить Черного Палача? — сурово прервал его Ашура. — Ты много говоришь, маг, но пока мы видим только фокусы. Ты прятался, пока шла битва, ты скрывался, когда Вала был здесь...

— Не надо грубить пожилому человеку, мальчик, — ответил Донкранк Фир. — Пока мне нечего тебе сказать. Если ты знаешь, что делать — делай. Если не знаешь, подожди, пока что-нибудь придумают более мудрые люди. Мне надо подумать, выяснить, где осядет Вала и что будет делать.

Ашура не мог скрыть разочарования, отразившегося на его лице. Дараям, заметивший это, подошел к принцу и тронул его за плечо:

— Мы выполнили свою задачу. Давай поспешим домой, может быть, бахмачари выздоровели и расскажут нам, что делать дальше. К тому же теперь у Хостинпура появились хорошие союзники.

Синта, прислушивавшийся к разговору, поддержал ученика жреца:

— Поспешим в наши земли, принц. Думаю, нам не стоит терять время в преддверии серьезных испытаний.

— И не волнуйтесь, мальчишки, я вас найду, когда придет время! — попрощался с ними Донкранк Фир. Повернувшись к Кнохту, он добавил. — А ты веди себя хорошо, поскольку я тоже ненадолго отлучусь из замка. Нужно собрать кое-какие вещи. Магии я тебя лишаю, поэтому похоронишь своих слуг вручную. Легче всего, наверное, будет бросить их в море.

...Унося тела Баг Атема и рыжего оллийца, отряд Ашуры покинул замок в скалистых горах.

В поселке ганг с волнением ожидали возвращения Воительницы и ее друзей, и когда из лесной чащи выступил отряд, женщины радовались и пели. Оллийцы, которым пришлось хоронить Мара и молодого рыжего воина, повздыхали, но, привыкшие за годы службы терять товарищей, не проявляли свои чувства бурно. В конце концов, и они были довольны. В стране со смертью Банги должно было завершиться темное время правления кровавого деспота, к власти приходил разумный правитель, уже успевший найти сильного союзника в лице хостинпурского принца. Более того, должны были завершиться пограничные войны с гангами, от которых солдаты устали.

Ашура торопился домой, но ранения, полученные Синтой и Воительницей, удерживали Дараяма. Решено было остаться еще на день, пока смеси и отвары из трав, собранных учеником жреца, не исцелят окончательно царя Оллии и его союзницу. Принц видел, с какой нежностью ухаживал Дараям за Галлией, догадался о том, что их связывает нечто большее, чем боевая дружба, но не стал расспрашивать товарища, хотя в душе ему посочувствовал. И как было не сочувствовать, ведь жрецу не пристало иметь жену, да и сама Воительница не оставит свое воинственное свободное племя. Влюбленным предстоит расстаться. И речь идет не только о Дараяме и Галлии.

Сам Ашура грустил и вздыхал, ожидая разлуки. Любит ли он Девикю? Спроси его кто-нибудь об этом, он сказал бы, что, конечно, любит. Они вместе росли, играли, вместе входили в пору взросления. С детских лет он знал, что Девика, когда придет время, станет его женой, а Хозрем будет частью Хостинпура. Об этом говорили ему родители, об этом знали жители

обоих государств. Свадьба уже начиналась, и если бы Кнохт со своими приспешниками не вмешался, молодые люди были бы уже мужем и женой. Теперь ничто не мешало вернуться и продолжить начатую церемонию, просто выхода другого не было...

Но почему вообще Ашура стал думать о каком-то ином выходе? Дело в том, что перед глазами его стоял образ оборванной девчонки, столь неожиданно повстречавшейся ему в замке. Девчонки, которая рискнула подставить себя под удар сабли колдуна, чтобы спасти его, Ашуру. Девчонки, которую спас от той же сабли он в момент, когда гибель угрожала и его невесте. Конечно, Юлия не годилась на роль принцессы, а затем царицы Хостинпура. Это была простая девушка не царских кровей...

Хотя что мы знаем о том, чья кровь течет в наших жилах? Кто мог предположить, что Галлия окажется родственницей Девикю, можно сказать, сестрой? Кинжал, обгаренный ее кровью, коснулся перстня, и этого хватило, чтобы перстень разомкнулся, рассыпался, выпустив на свободу демона. Для этого необходима была кровь князей Хозрема, и значит, эта кровь течет в жилах Галлии. Возможно, когда-то один из потомков хозремского князя, запечатавшего перстень вместе с ахорским и оллийским владыками, повстречался в лесах с гангой... Кто знает? Но есть неоспоримый факт — одной кровью наполнены вены Галлии и невесты принца. У Ашуры достанет смелости нарушить давние договоренности. Не интересы государства играют тут главную роль. Но как сказать об этом Девикю? Она и без того почему-то холодна... И больше смотрит на Синту, чем на своего жениха.

Вечером Ашура шагал от лагеря ганг к берегу реки, размышляя о том, что ему дальше делать. Дараям хотел было проводить его, но задержался, накладывая вместе с помогавшей ему Юлией новую порцию жидкой кашицы из трав на быстро затягивавшуюся рану Воительницы, и принц не стал ждать друга. Ему хотелось побыть одному, хотелось убежать от тяжелых размышлений.

Лучи заходящего солнца пробивались сквозь ветвистые кроны, освещая тропинку. Ветер стих, будто уже, устав резвиться, отправился на боковую. Ашура любовался собиравшимися укрыться от темноты цветами, ловившими

последние лучики небесного светила... Впереди слышалось тихое журчание воды, запевшей колыбельные песни цветам.

Подходя к берегу, принц услышал негромкие голоса. Он досадливо поморщился и хотел повернуть назад, чтобы не мешать уединившимся, но узнал тех, кому голоса принадлежали, и остановился. У него мелькнула мысль притаиться за деревом, послушать, о чем говорят молодые люди, но он отбросил эту мысль, решив, что недостойно хостинпурского принца прятаться и подслушивать, когда речь идет о невесте и друге.

Ускорив шаги, Ашура вышел на берег. Синта и Девика, увидев его, замолчали и поднялись с плаща олийского царя, разложенного на траве. Ашуре хотелось сказать что-то решительное, веское, но, увидев безмятежные лица царя и принцессы, он осекся, растерялся.

— Я, наверное, помешал вам, — промямлил принц.

— Ну что ты, Ашура, конечно, нет! — возразила Девика. — Мы как раз говорим о будущем наших стран. Присядь с нами...

Принц не знал, что делать. Его выручил Синта, понявший, что Ашуре и Девике есть что обсудить наедине.

— Я, пожалуй, отлучусь ненадолго.

Когда шаги царя Оллии затихли на тропинке, Ашура подошел ближе к невесте.

— Девика, — начал он, — я замечаю, что ты избегаешь моего общества. Разве я тебя чем-нибудь обидел?

— Нет-нет, Ашура, — Девика положила ему руки на плечи. — Я очень благодарна тебе за спасение, ты поступил как настоящий друг...

— Как муж, — поправил ее Ашура.

Молодые замолчали, слышно было только, как журчала вода... Затянувшуюся паузу прервал принц:

— Девика, мне надо с тобой поговорить. Я вижу, какими глазами смотрит на тебя Синта...

— Какими? — спросила Девика.

— Влюбленными.

Девика улыбнулась, опустив голову, чтобы спрятать улыбку.

— Я вижу, что и ты не избегаешь его общества, — продолжал Ашура.

— Неужели ты ревнуешь меня? — удивилась Девика. — Ашура, мы с тобой знаем друг друга

с детских лет, много времени провели вместе... Я чувствую, что не только взгляды Синты тебя тревожат.

Ашура не мог решиться выложить все, что чувствовал. Он хмуро сказал:

— Нам пора ехать домой. Нас ждут родители и все хостинпурцы. Вскоре Идра освятит наш союз, и... все кончится.

Поняв, что невольно выдал свои чувства, Ашура отступил от невесты. Но Девика все поняла правильно и сама пришла на выручку принцу:

— В наших силах сделать так, чтобы все только начиналось, ведь правда?

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотал принц.

— Ашура, от меня тоже не укрылась твоя симпатия к Юлии. И я вижу, что девушке ты очень нравишься. Куда ты думаешь ее отправить? С гангами она вряд ли сможет жить, к такой жизни надо привыкать с детства. Близких у Юлии нет, в замок колдунов она не вернется. Это очень хорошая, смелая, заботливая девушка. Как ты хочешь устроить ее судьбу?

— Я думал, может быть, она останется в Оллии. Или пойдет с нами...

— И будет служанкой у тебя во дворце? — уточнила Девика.

— А что ты предлагаешь? — вскинулся принц.

— В конце концов, Юлия сама может решить, что ей делать!

— Ашура, ты ее любишь? — прямо спросила Девика.

Принц не мог солгать, но и ответить на этот вопрос не мог, боясь обидеть невесту.

— Нам пора возвращаться домой, — снова сказал он.

Разговор снова заходил в тупик. Ни принц, ни Девика не решались произнести нужные слова.

На тропинке послышались торопливые шаги, из-за деревьев показался Синта. Царь остановился перед собеседниками и, глядя Ашуре прямо в глаза, сказал:

— Принц Хостинпура, друг мой! Я не смог идти в лагерь и решил вернуться. Я должен сказать тебе, что ценю и уважаю наш с тобой союз, что всегда буду твоим должником за спасение из рук Кнохта. И еще я должен сказать тебе, что люблю твою невесту... люблю Девика. В твоих руках мое счастье. Если ты разгневаешься и прогонишь ме-

ня, я не буду красть чужую жену, и Олия, пока я правлю в ней, будет верна Хостинпуру...

— Девика еще не жена мне! — прервал его Ашура, не сумев скрыть надежды. Принц обрадовался и в то же время боялся спугнуть свою радость. — Но я хочу, чтобы она была счастлива. Ты знаешь, что мы должны были стать мужем и женой, но если Девика думает иначе, я подчинюсь ее решению.

Мужчины повернулись к девушке.

— Вот так всегда! — воскликнула она. — Как сражаться с демонами, так мужчины принимают решения сами. Но только речь заходит о самых главных вопросах, груз ответственности складывают на хрупкие девичьи плечи!

— Девика, не мучь меня! — простонал Ашура, будучи не в силах тянуть выматывающее силы ожидание.

— Ты любишь Юлию? — спросила Девика.

— Ты любишь Синту? — спросил принц.

— Ну скажите же наконец «Да!», — закричал слышавший окончание разговора Дараям, выходя на поляну.

Следом за учеником жреца шла Юлия.

— Да! — сказал Ашура, увидев девушку, и бросился к ней.

— Да! — сказала Девика, беря за руку Синту.

— Как вовремя ты появился, Дараям! — засмеялся Синта, обнимая принцессу.

— Мы решили сами тебя найти, осмотреть твою рану.

— У меня больше нет ран! — довольно сказал Синта. — Вашими стараниями все раны затянулись. И телесные, и душевные...

Ашура и Юлия, Синта и Девика, Дараям и оллийские воины покидали поселок ганг. Царственные пары были счастливы, и только Дараям был грустен.

— Я должен проводить принца, — сказал он Галлии, провожавшей гостей. — А потом вернусь к тебе.

Галлия покачала головой:

— Нет, любимый! Среди ганг нет места для мужчины. Знаешь, я буду растить нашу дочку такой же доброй, верной и смелой, как ты.

Видя, что ученик жреца едва сдерживает слезы, ганга добавила:

— И знаешь, я думаю, что мы все еще когда-нибудь увидимся!

□

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

